

Для нашего человека

Скупые газетные сообщения. Телеграф приносит их из всех стран мира. Взаимно радостные отклики друзей, открыто тревожные — врагов. Поколению, которому довелось готовить и осуществлять первый пятилетний план, памятно, каким истоком улюлюканьем, насмешками встретила буржуазная печать великий замысел Коммунистической партии — превратить отсталую аграрную страну в передовую индустриальную державу.

План, проникнутый верой в безграничность творческой силы народных масс, строящих свое первое в мире социалистическое государство, был выполнен за 4 года и 3 месяца. Это была всемирно-историческая победа рабочего класса и крестьянства СССР. Она обогатила строителей пятилетки огромным опытом, она многому научила и врагов Советской страны, появивших, что наши пятилетки — это не несбыточные мечты, а реальная программа. И теперь не скепсисом, не иронией, а трезвым беспокойством за исход экономического соревнования двух систем — капиталистической и социалистической — веет от комментариев буржуазных журналистов по поводу проекта Директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР.

Все области жизни страны охватывает новая грандиозная программа. И любой раздел ее, будь то промышленность, сельское хозяйство, транспорт и связь, — все направлено к одной цели: благо народа. Ради этого советский человек строит заводы, бурит нефть, добывает уголь, возводит плотины, поднимает целину...

— Главные задачи шестого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, — говорится в проекте Директив, — состоят в том, чтобы на базе преимущественного развития тяжелой промышленности, непрерывного технического прогресса и повышения производительности труда обеспечить дальнейший мощный рост всех отраслей народного хозяйства, осуществить крупный подъем сельскохозяйственного производства и на этой основе добиться значительного повышения материального благосостояния и культурного уровня советского народа.

Новая пятилетка, начало которой открывает год 1956-й, ознаменует собой дальнейшее расширение и укрепление исторических завоеваний социалистического строя. Она принесет еще больший подъем материального и культурного уровня жизни народа.

Какой поистине всесторонней заботой о человеке, его духовном росте, житейских удобствах, о наилучшем его обслуживании дышат строки проекта Директив!

Эта забота находит свое конкретное и яркое выражение в увеличении национального дохода. За пятилетие он вырастет (в сопоставимых ценах) примерно на 60 процентов. А увеличение национального дохода — это дальнейший рост доходов рабочих и служащих, доходов крестьян. Это и значительный рост потребления продовольственных и промышленных товаров на душу населения.

Четко и ясно в проекте Директив определено, что принесет каждому трудящемуся человеку осуществление намеченной программы. Реальная заработная плата рабочих и служащих возрастет в нынешнем пятилетии в среднем примерно на 30 процентов. Денежные и натуральные доходы колхозников увеличатся в среднем не менее чем на 40 процентов. Различный товароборот государственной и кооперативной торговли за пятилетие вырастет примерно на 50 процентов.

Огромные средства — до 210 миллиардов рублей в 1960 году, то есть на 56 миллиардов больше, чем в 1955 году, — будут израсходованы на различные выплаты и льготы трудящимся. В шестой пятилетке увеличатся государственные расходы на пособия и социальное страхование, на пенсии по социальному обеспечению, пособия многодетным и одиноким матерям. Значительно больше ассигнуется средств на стипендии учащимся, бесплатную медицинскую помощь, бесплатные и льготные путевки в санатории и дома отдыха. Отменяется плата за обучение в старших классах средних школ, в средних специальных и высших учебных заведениях.

Независимо от волеизъявления и гордости за свою страну, за партию читать те пункты проекта Директив, где говорится о том, как в новой пятилетке будет об-

легчена жизнь женщины-матери, женщины-трудящейся. Много сделано в этом смысле за минувшие пятилетия. А в нынешнем предстоит создать во всех уголках страны сотни и тысячи новых детских учреждений, столовых, бытовых предприятий, чтобы еще больше высвободить время женщины-матери для духовного роста, для воспитания детей.

— Всемерно улучшать условия труда и быта женщин-работниц, предусмотреть для женщин-матерей дополнительные льготы, в частности увеличить продолжительность отпусков по беременности и родам, — сказано в проекте Директив. И разве в этой заботе партии о нашей трудящейся не видим мы одно из ярких выражений принципов советского гуманизма!

За послевоенный период советский народ поднял из пепла и руин сотни разрушенных и сожженных войной городов и сел. Сталинград, Севастополь, Смоленск, Ржев... Они выросли вновь буквально на пепелищах. Даже мысленным взором трудно охватить эту грандиозную панораму воссозданного.

В новом пятилетии предстоит вместе со значительным расширением жилищного строительства и всемерно улучшить его. В городах, рабочих поселках и сельской местности за счет государственных средств построятся миллионы домов общей площадью примерно 205 миллионов квадратных метров, или почти в два раза больше, чем в пятой пятилетке. Но дело не только в количественном росте. Советский человек, для которого возмозрастает эта тема, требует от строителей и архитекторов: стройте экономно, рационально, не увлекайтесь внешней красотой, а думайте об удобствах новоселов. Широкое применение типовых проектов, внедрение индустриальных методов работ, снижение стоимости изделий и деталей заводского изготовления, сокращение сроков строительства позволят снизить стоимость жилищного строительства за пятилетие не менее чем на 20 процентов.

Грандиозная программа культурного строительства в нынешнем пятилетии. Читая проект Директив, в котором сказано, что стране предстоит осуществить, в основном, всеобщее среднее образование в городах и сельской местности, невольно возвращаешься мыслью к нашим первым шагам в области культурного строительства. Помните — кружки ликбеза на фабриках, заводах, в деревнях, миллионы неграмотных за букварями? Первая победа, первый успех культурной революции — ликвидация неграмотности населения... И за несколько пятилетий — какой гигантский шаг и всеобщему среднему образованию!

Пятилетняя программа развития народного просвещения предусматривает еще большее развитие в стране сети заочных и вечерних общеобразовательных школ для обучения в них трудящихся без отрыва от производства.

Проект Директив открывает перед советскими учеными широкие перспективы для новых смелых дерзаний, открытий, изобретений. Партия зовет сосредоточить усилия ученых на разработке в первую очередь научных проблем, имеющих важное народнохозяйственное значение.

В недрах народа рождался исторический документ, и потому воплотил он в себе мечты, мысли, желания самого народа-творца. Его усилиями, под руководством Коммунистической партии — вдохновителя и организатора всех наших побед, — были досрочно завершены минувшие пятилетки. Его творческая энергия, его самоотверженный, героический труд, труд каждого человека, на каком бы посту он ни работал, — та сила, что определила успешное выполнение и шестого пятилетнего плана. Решающим условием нового, мощного подъема экономики, культуры, благосостояния трудящихся Советского Союза является рост производительности труда.

Пройдет пятилетие... Нет, по славленной традиции минувших лет, видимо, срок выполнения будет приближен, и советский народ раньше поведет итог своим деяниям. Воплотятся в жизнь все предначертания, и вместе с новыми успехами экономики будет поведен итог неопределенным завоеваниям в области культуры. Богаче, содержательней станет духовная жизнь строителей коммунизма. Их усилиями и для них откроются новые школы, новые высшие учебные заведения, научно-исследовательские институты, кинотеатры, телевизионные центры, библиотеки, клубы, типографии. И совершит этот подъем к высотам культуры, знаний, науки, советский человек вновь скажет:

— Приступим к новым деяниям!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 17 (3518) Четверг, 9 февраля 1956 г. Цена 40 коп.

Ответить на запросы народа!

Проект Директив XX съезда Коммунистической партии Советского Союза по шестому пятилетнему плану всколыхнул всю нашу страну и вызвал необычайное горячие отклики наших друзей во всем мире. В «громдах наших планов», которые всей силой своей души любил Маяковский, наша арка воплощения мучащая, всепоглощающая яркая народо-творца.

Витнаешься в цифры плана — и ясно видишь, как быстро нарастают темпы нашего движения к коммунизму. «Коммунистическое далеко» становится близким, стремительно приближается к нам завтрашний день. Великие дела наших современников, укрепляющих индустриальную мощь страны, поднимающих целину из бесконечных просторов, борющихся за изобилие материальных ценностей, радуют и волнуют. Ясно чувствуешь, что мечта лучших умов человечества о коммунизме воплощается в жизнь.

О свершениях шестого пятилетнего плана экономисты говорят языком цифр. Писатели призваны рассказать о достижениях нового общества средствами образного слова. Главным героем наших романов и повестей, очерков и рассказов, пьес и сценариев — человек труда. Писатель должен показывать жизнь во всем богатстве человеческого отношения, во всей сложности душевных переживаний своих героев, во всем многообразии, многогранности окружающего мира.

Чем дальше уходит от нас двадцатые годы, тем чаще вспоминается Маяковский, тем нужнее становятся его стихи. Неумолимая борьба за новые темы поэзии, которую он вел, не может считаться законченной. Помню, каким был Маяковский в свой последний приезд в Ленинград, за месяц до смерти. Помню, как сердито перебивал он книжку журнала, в которой были напечатаны чьи-то стихи на «общественно-философскую» тему. Настоящего обобщения в этих стихах не было, больше слышался в них «дубокая» философия на мелких местах, и это злило Маяковского.

— Брунд! Сейчас надо писать не о «космосе» (он несомненно скандировал по складам это слово), а о том, как рабочие выезжают в новые квартиры и черешковляют производственные планы.

Вряд ли кто-нибудь будет сейчас опровергать правильность его слов. Но ведь настоящих стихов о рабочем классе мало и в наши дни! Чувства, мысли, душевные переживания советского рабочего очень редко находят свое выражение на страницах наших поэтических сборников и журналов.

Драгоценный опыт десятков миллионов людей, построивших социалистическую индустрию, величие духа и свершения наших современников все еще слабо раскрываются нами в художественной форме.

Литературный процесс во все времена развивался очень сложно, противоречиво, и, пожалуй, всегда слышалась жалоба литераторов, зачастую очень видных, на бедность современной им литературы. Проходили годы, и выяснялось, что именно эти эпохи были порой расцвета, что именно в эти эпохи творили Пушкин, Толстой, Достоевский, Островский... Надо и нам, критикуя недостатки советской литературы, не забывать о том большом, что ею уже сделано.

В первые революционные годы, в ту пору, когда только начинала складываться советская культура, Евгений Замiatин писал, что в русской литературе одно будущее — ее прошлое. Как и другие подобные «пророчества», это предсказание не оправдалось. За короткий срок — менее четырех десятилетий — создана могучая литература советской эпохи с множеством самобытных талантов, с необычайным разнообразием творческих дарований, с непревзойденным богатством писательских индивидуальностей. При всей неудовлетворенности состоянием сегодняшней литературы, при всем понимании, что наши писатели все еще слабо выполняют свой долг перед народом, нельзя не видеть, сколь многогранна и могуча наша литература. Алексей Толстой, Пришвин, Бажов, Шилков и многие другие — художники выдающегося таланта, которыми гордилась бы любая, самая богатая литература. В библиотеке русской классики все большее место начинают занимать книги, созданные в советскую эпоху. Всед за Горьким и Маяковским многие русские художники слова создали превосходные произведения, навсегда вошедшие в золотой фонд мировой культуры. А сколько писателей братских литератур народов СССР творчески созрели в советские годы! Мы еще, к сожалению, не знаем

В. САЯНОВ

достижений наших братских литератур во всем объеме, — слышим мало о нас работ, обобщающих огромный опыт, накопленный национальными литературами. Но и то, что известно нам, показывает, что истинный размах нашего движения вперед невозможно понять, не учитывая опыта этих литератур.

Советский народ любит свою литературу. Совсем недавно на дорогах Полтавины, когда праздновался юбилей Давида Гурамышвили, я видел трогательные проявления этой любви. В небольшом украинском городке мы сделали остановку. Меня потянуло к интересу рядовых колхозников и сельской интеллигенции к писателям и их книгам. Наши собеседники называли десятки произведений, цитировали на память стихи русских и украинских поэтов.

Огромная любовь народа к литературе требует от нас еще более упорной, напряженной работы. Советский народ хочет читать больше новых романов и повестей, больше хороших новых стихов и очерков; он не может больше довольствоваться несколькими кинофильмами в год; его не удовлетворяют единичные постановки новых пьес за долгий театральный сезон. С необычайной быстротой повышаются народные требования к качеству программ телевизионных и радио. Народ требует от нас, чтобы мы создали изобилие духовных ценностей, он хочет больше знать, и круг его интересов с каждым годом становится все шире.

Надо прямо сказать, что мы, писатели, работаем зачастую не в полную силу. Новые книги появляются меньше, чем следовало бы, профессиональные писатели молчат иногда годами. Неоправданно большое место в наших творческих планах занимают переиздания старых работ. Конечно, истинное значение литературных произведений определяется не количеством, а художественной значительностью написанного. И все же от товарищей по перу можно ждать большего.

У нас есть замечательные примеры писательского трудолюбия, преданности литературе, умения и в предельные годы работать с полным напряжением сил: Чуковского и завидная молодая старость Сергеева-Ценко, Ольги Форш, Федора Гладкова, Дмитрия Гула, Авелика Исакяна и многих других ясных старших товарищей. Почему же иные люди в полном расцвете сил, литераторы, от которых страна ждет с нетерпением новых произведений, неожиданно замолкают на долгие годы?

Особенно беспокоит сегодня каждого человека, любящего литературу, ослабление работы писателей над важнейшими темами современности.

Современность — чистейший родник, всегда питавший подлинное искусство. Ленин постоянно указывал на необычайную важность для писателя непосредственного участия в строительстве новой жизни. С возмущением перечитываем мы сейчас письма Ленина к Горькому, где с предельной ясностью сформулированы взгляды Ленина на задачи художника слова. Ленин призывал Горького к поездкам по стране, указывал на важность изучения народного опыта строительства новой жизни.

В последние годы своей жизни Горький был страстным инициатором коллективной работы писателей над книгами о новых явлениях нашей действительности. Десятки книг о современности, написанных в тридцатые годы, во многом обязаны своим появлением могучему горьковскому влиянию, его поистине титаническому организаторскому таланту.

Пожалуй, не было в те годы писателя, который не приобщился бы к созидательной работе народа. Писатели побывали и в Магнитогорске, и в Кузнецке, в районах новых строек, в колхозах Сибири и Юга. Многие из написанного в те годы откровенно, забылось, оказалось художественно неполноценным. Но уж такой закон развития литературы: из десятков и сотен книг время отбирает только лучшие. И справедливости ради следует признать, что и забытые ныне книги сыграли свою роль, как первые произведения, посвященные большим темам современности.

История русской литературы показывает нам замечательные примеры объединенным замыслом работы наших писателей-классиков. Самого пристального изучения заслуживает почин «Морского сборника», направившего в шестидесятых годах в поездки по России и всему миру группу пи-

стелей. Гончаров отправился тогда в кругосветное путешествие, давшем нам «Фрегат «Палладу». Григорович был в заграничном плавании на корабле «Ретвизан», Островский и Писемский странствовали по городам и селам Поволжья.

Нынешняя практика творческих командировок в Союзе писателей не выдерживает критики. Почему бы нам сейчас не отправить бригады писателей на длительный срок в районы освоения целинных земель, на крупнейшие стройки шестой пятилетки, на корабли, с честью несущие знамя Родины в беспредельных просторах морей и океанов? О Братской и Красноярской гидроэлектростанциях со временем будут, наверное, складываться легенды, а много ли беллетристов собирается ехать туда?

Небольшой городок Ленинградской области Череповец — бывшее заложничество — ставится сейчас своим новым, совершенным заводом, который имеет решающее значение для дальнейшего развития индустрии всего Северо-Запада страны и области Ленинграда. А что написано о строительстве этого завода, о его рабочих кадрах, о его илжнецах? Ленинградские писатели уезжали в творческие командировки в самые отдаленные районы страны, а до Череповца никто из нас так и не добрался...

Нет, нам надо решительно изменить практику наших творческих командировок. Мы должны добиться участия писателей в нескольких коллективных сборниках, посвященных важнейшим стройкам шестой пятилетки. Не нужно разбрасываться, не зачем стремиться охватить все, но самое главное, самое значительное необходимо изучить и изучить не с полета.

Нужно глубже учитывать духовные запросы народа. Успехи советской литературы не дают нам права зазнаваться. Мы обязаны лучше знать требования нашего читателя.

Изучение читательских интересов имеет огромное значение для всего развития литературы. Дело это у нас не налажено, ведется оно кустарно, без должной ответственности, без необходимой организованности. А стоит вспомнить, с какой тщательностью изучал Ленин интересы читателей рабочей печати, как много внимания уделял он отзывам рабочих о партийной литературе, как заболтался об интересах массового читателя!

В работе с нашим читателем особенно важна массовость. Недавно я был на одном из заводских Ленинграда, где проводилась читательская конференция. С интересными докладами о стихах и прозе выступили рабочие и инженеры. Они правильно разбирали произведения, умно указывали на их недостатки и достоинства. Когда кончился вечер, в дружеской беседе с библиотекарями мы поинтересовались, какие книги читаются и какие лежат на полках. Результаты этого импровизированного «обследования» удивили бы многих критиков и писателей. Я был удивлен и тогда, когда пришел на встречу с читателями в Приозерск. Оказывается, много книг, расхваленных критикой, пылятся на полках, и в то же время много книг, критикой не замеченных, зачитаны буквально до дыр.

Судьбу каждой книги, ее жизнь в народной среде проверить трудно. Но такая проверка необходима. Возможно, что ее результаты во многом не сойдутся с нашими представлениями об успехе отдельных книг в читательской среде. Может быть, иногда окажется, что читатель требует книг, не достойных массового распространения, и перед нами встанет задача воспитания вкусов читателя.

Помнится, в революционное время проводилось однажды такое обследование, и оказалось, что Вербицкую читают больше, чем Льва Толстого. Сейчас, конечно, Вербицкую начисто забыли, но, возможно, что найдутся имена, ничего не говорящие критике, но неасуэженно популярные в читательской среде. Зато найдутся и книги, не замеченные критикой, которые по праву живут в народе.

И это наверняка будут те книги, в которых писатели с кровной заинтересованностью изображают простого человека — творца истории.

Под направляющим руководством Коммунистической партии советские писатели многие годы неустанно боролись за торжество ленинских принципов в литературе. Встреча XX съезда великой партии, созданной Лениным, мы обязаны пересмотреть свою работу, еще решительней бороться за главные темы современности, еще ближе стать к героям своих книг — строителям коммунизма.

★ Издание каталога. Предпринято издание аннотированного каталога материалов Ф. Достоевского. Его совместно готовят рукописный отдел Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, рукописный отдел Института русской литературы Академии наук СССР и Центральный государственный архив литературы и искусства СССР. В этом каталоге будут описаны все автографы Ф. Достоевского, собранные в архивохранилищах Советского Союза.

★ Достоевский и театр. Московский Дом актера организовал вечер памяти Ф. Достоевского, на котором с докладом выступил В. Ермилов. В фойе была открыта выставка «Достоевский и театр». В ее экспозиции — фотографии, эскизы декораций, афиши, отбрасывающие историю постановки произведений Ф. Достоевского на русской сцене в дореволюционное время и в советский период. Большое место отведено спектаклям МХАТ — «Село Степанчиков», «Братья Карамазовы», «Дядюшкин сон» и образам, созданным в этих постановках А. Леонидовым, И. Москвиным, В. Качаловым, О. Кинипер-Чеховой.

ЗА РУБЕЖОМ

СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

Дружба и доллары

Когда-то американский писатель Вашингтон Ирвинг с горечью изобличал суеверное почтение своих соотечественников к «Всепогошуму Доллару» — этому великому предмету всеобщего поклонения повсюду в нашей стране». Со дня смерти Ирвинга прошло уже около ста лет, но в заокеанской республике и сегодня кое-кто еще считает самой сильной птицей в мире не живого орла, а того, кто изображен на обороте долларовой бумажки.

В этом нетрудно убедиться, взяв в руки один из последних номеров американского журнала «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд рипорт». «Можно ли рассчитывать на то, что Соединенные Штаты смогут приобрести за деньги друзей и союзников?» — вот какая тема дебатируется, по словам журнала, ныне в США. «Обстоятельно говоря, у индустриальных многонациональных программ так называемой американской «помощи» иностранным государствам еще недавно и сомнительных выходов на этот счет не было. Но вот, оказывается, поведение Индии поколебало их в этой уверенности.

Американские расходы в этой стране «не окупились». Затраты США в Индии иллюстрирует яркая, в дух красных, таблица: здесь и американские займы Индии на покупку зерна (пшеницы по монополии высокой цене), и займы Международного банка реконструкции и развития (отделение Уолл-стрит), и субсидии на закупку удобрений, строительство аэропортов, на нужды просвещения и т. д. и т. п. Всего, по подсчетам журнала, американская помощь Индии в виде «даров» и займов, начиная с 1950 года, составила свыше полумиллиарда долларов.

И что же? Деньги оказались выброшенными на ветер... Судите сами: «Премьер-министр Неру, — с несрываемым негодованием пишет журнал, — хочет, чтобы Формоза была передана коммунистическому Китаю. Его послан Кришна Менон уже в течение нескольких лет ведет кампанию за допуск красного Китая в ООН. Индийское правительство выступает фактически против всех оборонительных мероприятий США...»

Самое главное, однако, то, что, несмотря на затраченные доллары, «американцы в Индии убеждаются, что престиж США в этой стране упал до небывало низкого уровня, тогда как престиж Советского Союза возвысился».

Почему, по мнению упомянутого издания, «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд рипорт», затративший мизерную сумму, завоевал искреннюю дружбу и признательность индийцев? В чем тут дело? Порекормендем поклонникам Всепогошуму Доллара поискать ответа в статье, напечатанной недавно в газете «Нью-Йорк пост». В этой статье финансовый обозреватель Сильвия Портер пишет: «Появляются грозные признаки того, что мы снова переосознаем миллиарды и недооцениваем ум».

Объясняя причины притягательности идеи экономического сотрудничества с Советским Союзом для индийцев и других народов Азии, автор указывает, что СССР предлагает азиатским странам, реальные торговые соглашения, а не подданы. Он предлагает поставки товаров в таком количестве и такого качества, в каком эти страны нуждаются, предлагает широкую и ценную техническую и инженерную помощь.

Индийский народ по достоинству оценивает такие шаги Советского Союза, как строительство для Индии мощного металлургического завода в Вхилим, решение Советского правительства о поставке в Индию в течение трех лет одного миллиона тонн проката черных металлов, оборудование для добычи нефти и горючего, предоставляющая помощь, а также других товаров. Ценность такого рода бескорыстной помощи не может быть измерена только в рублях. Она особенно дорога индийскому народу тем, что это помощь в самом для него важном, в самом главном деле — деле индустриализации его родины.

Советский Союз ничего никому не навязывает. Он строит свои отношения с другими государствами на основе взаимного уважения, равенства и взаимной выгоды. Свою помощь другим странам СССР никогда не обуславливал и не обуславливает никакими политическими, военными или иными требованиями. Он успешно осуществляет политику мирного сосуществования между государствами с различными экономическими и политическими системами. Именно благодаря этой политике Советский Союз снизил любовь народов земного шара.

Сильвия Портер заканчивает статью грозным предостережением: «Если мы не отвлечемся на ход событий, совершенно неизбежно, ассигнуем ли мы 5 миллиардов или 5 миллиардов долларов. Мы все равно проиграем».

А ход событий в Азии ясно говорит о том, что народы, ставшие на путь свободной жизни, охотно идут на сближение с теми, кто готов сотрудничать с ними на началах равенства и взаимности. Но они не продадут ни за какую валюту дорогой ценой доставляющую им незабываемость.

М. МАРКОВ

Литературные итоги 1955 года

В течение двух дней в Институте мировой литературы имени А. М. Горького прошла научная сессия, посвященная литературным итогам 1955 года. Были обсуждены доклады Т. Трифоновой о прозе, А. Анастасьева о драматургии, В. Огнева о лирической поэзии и М. Венгрова о ряде крупных поэтических произведений, опубликованных в литературных журналах, альманахах и сборниках.

К 75-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского

В первом томе

Вышел первый том собрания сочинений Ф. М. Достоевского, в которое включены все законченные художественные произведения писателя. Они расположены в десяти томах по хронологическому принципу. В заключительном томе, где заканчивается печатание романа «Братья Карамазовы», будут даны художественные произведения, публиковавшиеся в «Дневнике писателя», а также речь о Пушкине, произнесенная Достоевским в 1880 году на заседании Общества любителей российской словесности.

В первый том включены ранние произведения Ф. Достоевского, начиная с широко известного романа «Бедные люди».

Тотчас по окончании «Бедных людей» Ф. Достоевский начал писать повесть «Двойник». Приключения господина Голыгина. Писатель намеревался закончить ее в несколько месяцев, но работа затянулась. «Яков Петрович Голыгин», — писал Ф. Достоевский брату, — выдерживает свой характер вполне. Подлец страшный, приступит к нему: никак не хочет вперед идти... А меня, своего сочинителя, ставит в крайне негодное положение». Это произведение печатается по второму, переработанному писателем варианту, сильно отличающемуся от первоначального, опубликованного в «Отечественных записках». Поэтому редакция нашла нужным в виде исключения дать наиболее значительные отрывки из первоначального текста в качестве приложения к тому.

В 1847 году Ф. Достоевский напечатал в «Современнике» «Роман в девяти письмах», который написал в одну ночь; это произведение также включено в первый том.

Затем печатается повесть «Господин Прохарчин», подвергшаяся в свое время большому цензурным искажениям; — многие куски были выброшены; в повести, посвященной судьбе чиновника, даже слово «чиновник» было запрещено.

«Господин Прохарчин» появился в «Отечественных записках» в октябре 1846 года, и осеню же Ф. Достоевский начал новую повесть — «Хозяйка».

В томе опубликованы также повести и рассказы «Ползунок», «Слабое сердце», «Честный вор», «Елка и свадьба», «Чужая жена и муж под кроватью». Художественным произведением предпослан очерк творчества писателя.

Подписка на собрание сочинений Ф. Достоевского будет объявлена в феврале.

Приезд зарубежных писателей

В Москву съезжаются зарубежные писатели, приглашенные Союзом писателей СССР и Советским комитетом защиты мира для участия в торжественном вечере, посвященном 75-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского. Приехали Святослав Минков (Болгария), Денег Дель (Венгрия), Эйнар Тамассен (Дания), Цао Цзин-хуа (Китай), Вилем Завада (Чехословакия), Кришан Чандр (Индия), Игорь Неверли (Польша). Торжественный вечер, посвященный Ф. М. Достоевскому, состоится сегодня в Колонном зале Дома союзов.

По всей стране

★ В школах и институтах. В связи с 75-летием со дня смерти Федора Михайловича Достоевского Министерство просвещения РСФСР рекомендовало провести для учащихся девятих и десятых классов средних школ и для старшекурсников педагогических училищ доклады и лекции о жизни и творчестве писателя. В педагогических институтах состоятся вечера, заседания кафедр ли-

тературы и русского языка, а также собрания научных кружков и обществ.

★ Передача по радио. Всеосюзное радио организовало в связи с юбилеем Достоевского цикл из 20 передач. В программу радиопередач включены лекции, отрывки из романов «Идиот», «Братья Карамазовы», радиопостановка «Белые ночи» и сцены из спектакля МХАТ «Дядюшкин сон».

★ На Украине. В Государственной публичной библиотеке Украинской ССР открылась книжная выставка, посвященная жизни и творчеству Ф. Достоевского. Цикл лекций организовала редакция литературно-драматического вещания украинского радио. Подготовлена радиосценариевка повести «Дядюшкин сон», которая будет передаваться также по телевидению. Институт литературы имени Т. Г. Шевченко проводит научную сессию. В Киевском университете состоится расширенное заседание ученого совета филологического факультета.

★ Литературный вечер. В Ашхабаде состоялся общегородской литературный вечер. После доклада о жизни и творчестве великого русского писателя артисты русского драма-

тического театра имени Пушкина прочли отрывки из романа «Преступление и наказание». Вечера и читательские конференции, посвященные памяти Ф. Достоевского, проводятся в эти дни в библиотеках, высших и средних учебных заведениях столиц республик.

★ Новая выставка. В Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина открылась выставка «Жизнь и творчество Ф. М. Достоевского». Издания, документы, автографы, собранные здесь, характеризуют литературную деятельность писателя. Среди экспонатов — журнал «Репертуар и Пантеон» за 1844 год, в котором помещен перевод романа Балзака «Евгения Гранде», сделанный Ф. Достоевским. Здесь же «Петербургский сборник», опубликованный его повестью «Бедные люди».

На выставке представлены журналы, в которых впервые публиковались произведения Ф. Достоевского и критические статьи о них. Здесь собраны издания книг писателя на языках народов СССР и зарубежных стран, воспоминания его родных и современников.

★ На казахском языке. Казахское государственное издательство художественной литературы выпустило в переводе на казахский язык повесть «Бедные люди». Творчество Ф. Достоевского посвящается научная конференция студентов филологического факультета Казахского государственного университета имени С. М. Кирова.

★ Улица имени Достоевского. В Семипалатинске, после отбытия срока заключения в омской каторжной тюрьме писатель был определен рядовым в сибирский линейный батальон. В городе на улице Достоевского (бывшей Крестной) сохранился домик, в котором Федор Михайлович проживал с 1854 по 1859 год. Здесь установлена мемориальная доска.

★ В Люблино. Подмосковный город Люблино связан с жизнью и литературной деятельностью Ф. Достоевского. Здесь летом 1866 года он писал роман «Преступление и наказание». Ныне в Люблинской городской библиотеке открылась выставка произведений писателя, в школах на уроках литературы читаются отрывки из его книг, проводятся лекции и беседы о творчестве Ф. Достоевского.

ГОРОД ВЫХОДИТ НА ПЕРЕДНИЙ КРАЙ

2.

В новую пятилетку старый Череповец вступил преобразованным. Многие годы были для него лишь началом, первым шагом. Что же принесет городу шестая пятилетка?

Когда заглядываешь в это будущее, видишь судьбы тысяч таких вот малых или больших городов и сел страны, что названы в проекте Директив. Сам Череповец упомянут в проекте одной лишь фразой: завершить строительство Череповецкого металлургического завода... А за ней, за этой фразой, встает город в десятках новостроек.

Инженер Николай Федосович Федосов ясно представляет себе грядущий облик перената металлургии северо-запада страны.

— Строить большой металлургический завод, — говорит он, — дело большое и нелегкое. А воздвигнуть такой завод, как наш, — это, кроме того, сказать новое слово в технике... Когда я впервые услышал о том, каким будет Череповецкий завод, я отказался этому верить. А сегодня, прожив тут несколько самых счастливых лет моей жизни, знаю, что на всей строительной площадке, во всем нашем городе не найдется уже человека, который сомневался бы в том, что в 1960 году Череповецкий завод будет именно таким, каким задуман...

И, сопроводив нас в путешествие по заводу, Николай Федосович не устает повторять:

— Этого нет больше нигде! Так решен вопрос лишь в Череповце!

Не в том только дело, что череповецкие дома оснащены новейшим оборудованием и аппаратурой отечественного производства, и даже не в том, что все процессы механизированы и автоматизированы. Главное, что отличает домовой цех Череповецкого завода от других, заключается в полном преобразовании труднейшего и сложнейшего процесса подачи сырья материалов к печи. В Череповце вы не увидите железнодорожных путей над бункерами — здесь обходится без паровозов и вагонов. Наэтапная подача сырья автоматизирована — и точно приходит в движение конвейерная лента.

Простое и вместе с тем величественное зрелище. Девушка нажала кнопку — и сырье из шестидесятитонного вагона высыпается в бункер, а оттуда — на транспортерные ленты, установленные в подземных и надземных галереях. Так движущаяся лента в семь километров длиной доставляет тысячи и тысячи тонн материалов к складам сырья, на агломерационную фабрику и от нее — в домненную печь...

Важные кнопки там, где когда-то требовалась тяжелая, изнурительная труд многих сотен рабочих-каталей. Конвейерная лента там, где еще и сегодня на металлургических заводах хлопотат маневровые паровозы, лезут бункерам составы, трубят в рог стрелочники и яростно свистят в свои свистки сцепщики. Доменицы, попадающие впервые в Череповец, не видят здесь всего этого. И все же в одной из комнат заводской котлоуправления группа молодых конструкторов работает уже над новой идеей — хочет она объединить домны и агломерационную фабрику в один действующий автоматический цех.

— Да, — говорит мечтательно Федосов, — все, что вы видите сегодня,

в 1960 году будет выглядеть уже иначе...

Как ни автоматизирован процесс производства чугуна, все делается для того, чтобы он стал еще проще.

Череповецкая домна-уникум становится местом паломничества для домеников страны. Да и не только для них. Полна глубокого смысла картина, которую нередко видишь у домны: притихшие, очарованные, озаренные ответами пламени, стоят неподалеку от горна доменной печи школьники города...

Будущие металлурги Рождение завода во многом изменило строй жизни школ города. Какое, сколько трудностей предстоит преодолеть работникам просвещения, чтобы ввести в Череповец всеобщее среднее образование.

— Представьте себе, что для нас эта проблема почти решена, — услышали мы неожиданный ответ.

Геннадий Васильевич Успенский, заведующий городским отделом народного образования, порывшись в папку, подкинул это оптимистическое завершение убедительным доводом: в минувшем году все выпускники седьмых классов, за очень малым исключением, продолжили учебу в восьмых классах.

Есть ли прямая связь между образованием в Череповце первой домны и этим вот стремлением молодежи обязательно получить среднее образование? Да, есть. Ведь одно дело — зайти по учебникам, рассказам учителей об индустриальных гигантах, что созданы в далеких или близких от Череповца краях. Другое дело — видеть, как на твоих глазах, в твоём городе поднимается огромный завод с его совершенной техникой, видеть людей, которые, овладев ею, так уверенно управляют захватывающим процессом плавления.

— Нет отбоя от ребят, — жалуются учителя. — Хотя каждый день устраивай экскурсию на завод.

Но чтобы ответить на тысячи «отчего» и «почему», мало полагаться только на инженера-экскурсовода.

— Приходите самим учиться, — говорит преподаватель физики в старших классах 2-й школы Герман Владимирович Вагин. А потом доверительно добавляет: — Но как, порой и не знаешь...

Ему вторит Татьяна Ивановна Васильева, старший педагог школы, вот уже тридцать лет работающая здесь. Да, собственно, озабочены почти все учителя. Для них ясно: завод полон уми и сердца их питомцев — больше трети выпускников десятых классов Череповца влилось в техническое училище, которое готовит кадры для действующих и будущих цехов завода. Удивительно ли, что и вопросы политехнической школы педагоги прямо или косвенно связывают с заводом.

Ну, а завод? Принимает ли он близко к сердцу то, что волнует школу: где достать оборудование для мастерских, где разместить их, как с наибольшей пользой приобщать ребят к труду, как помочь учителям в решении многих задач, связанных с политехнической школой? Ведь если думать не только о сегодняшнем дне, а заглянуть в близкое будущее завода, оно, это будущее, — вот в этих ребятах.

Увы, завод с его широкими возможностями, кадрами опытных спе-

циалистов не пришел пока на помощь школе, и именно в той области, где эта помощь особенно нужна.

Так повелось... Влияние завода на город велико. Преобразующая роль его очевидна. И все же, когда думаешь о том, как отразится на духовном облике горожан все, что будет создано в шестой пятилетке, снова и снова возвращаешься к вопросу о роли культурных очагов города.

— Вот построим Дворец культуры... — слышали мы много раз, как только речь заходила о жизни культурных учреждений.

Дворца пока нет, и клуб металлургов, так же как городской Дом культуры, размещен в старом, но отлично приспособленном к тому зданию. Только строители недавно обзавелись новым помещением. Причем история, разыгранная в день открытия их клуба, довольно наглядно показала, что новое помещение не может вместить и трети желающих попасть в него. Клуб буквально осадил сотни людей, и тогда был найден выход — транслировать все происходящее в зале на прилегающую площадку, где молодежь, невзирая на холод, веселилась до поздней ночи.

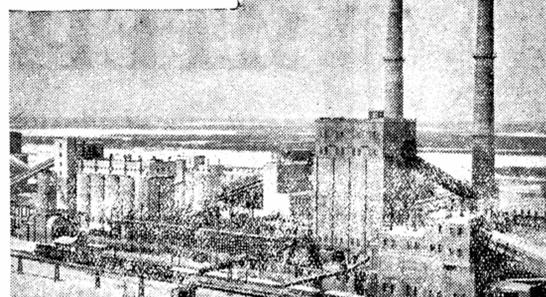
Клубов мало. Но беда не только в этом. Содержание их жизни удивительно сходно, и, знакомясь с тем, что делается у строителей или металлургов, лишний раз убеждаешься, как велик порой разрыв между «спросом и предложением». Спрос далеко не удовлетворен. Есть в городе много молодых специалистов — выпускников московских, ленинградских и других вузов. Есть тысячи рабочих — металлургов и строителей, молодых и старых, учащихся техникумов, школ, учителя, врачи... Вот эта многочисленная масса людей с различным культурным уровнем, разнообразными вкусами и требованиями принимается за нечто однородное, и в расчете на этого-то безымянного посетителя строится план клубной работы. В нем в определенных пропорциях намечаются лекции, кинофильмы, вечера танцев. И если на ту или иную лекцию народ идет неохотно, принято почему-то винить в этом не самого лектора-пономаря, способного услышать того угодно, — мало ли таких подвизавшихся в клубы! — а самих слушателей. Несознательность-де!

Как выход из положения избирается такой путь: к концерту или вечеру танцев в порядке «принудительного ассортимента» пристегивается лекция. Где-то в отчетах по работе галочка о проведенном «мероприятии». А надо ли говорить, что «коэффициент полезного действия» такого вот «спросовення» весьма невелик. Ясно это и самим клубным работникам, и лектору, и слушателю, но...

«Так уж повелось», — резюмируют в завкоме.

Художественный руководитель клуба металлургов Алла Ильинична Казанкина, молодая энергичная женщина, отнюдь не склонная мириться с таким вот формализмом в культурной работе, рассказала нам характерный эпизод: в клуб пришли доменицы и попросили устроить для них семейный вечер отдыха.

— Только давайте не путать, — говорили они. — Именно вечер отдыха, а не производственное совещание. Пусть будет концерт, танцы,

Череповец. Строится коксохимический цех металлургического завода. Фото Г. Удальцова

аттракционы... Словом, хочется отдохнуть и повеселиться.

В партерном зале выслушали и строго наказали: ведите деловую часть...

Трудно не согласиться с доменицами: вечер отдыха и производственное совещание — вещи разные. То и другое нужно, но ведь никому не придет в голову вместо технической конференции устроить танцы...

Были хорошие поиски и в клубе металлургов и в Доме культуры, где интересно прошел вечер молодежи, впервые получившей паспорта. И назвали этот вечер хорошо: «В человеке все должно быть прекрасным». Сейчас Дом культуры готовит для молодежи другой вечер — на тему о чувстве гражданского долга, о хозяйском отношении ко всему, что делается вокруг. В плане он назван так: «Не проходите мимо». Но как мало таких начинаний!

Растет духовная культура наших людей. И понятно, что содержание клубной работы во многом не удовлетворяет жителей Череповца.

Эти возросшие требования имеют также прямое отношение к росту завода, города. Скоро вступит в строй вторая домменная печь, коксовая батарея. Волнует в цехи сотни и сотни новых людей — рабочих, инженеров. В шестой пятилетке намечается построить свыше 250 тысяч квадратных метров жилой площади, шесть школ, три больницы, поликлиники, двухзальный кинотеатр на 800 мест, стадионы, водную станцию и Дворец культуры, о котором так мечтают в Череповце.

Мы еще раз обходимся взором старые и новые кварталы и пытаемся представить себе те перемены, которые произойдут в шестой пятилетке. Видится новый облик старого русского города.

Мы твердо верим в то, что к 1960 году граждане Череповца получат все, что намечено, получат и Дворец культуры. Однако для подлинной культурной победы этого еще недостаточно. Ведь можно построить прекрасное здание дворца, истратив на него миллионы, и не вдохнуть в него новую жизнь, не омолодить ее.

Город — боец шестой пятилетки ждет не только новых сооружений. Он нуждается в упорной, настойчивой и систематической культурной работе. И как хочется, чтобы наряду с героями-доменицами Череповец похвастался еще и героями-культуристами!

В. ЕЛИСЕЕВА, И. АРАЛИЧЕВ, специальные корреспонденты «Литературной газеты»

ТЫСЯЧНЫЙ СПЕКТАКЛЬ

Недавно в Театре имени Маяковского состоялось тысячное представление в пьесе Алексея Арбузова. История советского театра знает много долговечных спектаклей, но нашим масштабам. Такая дата — большое торжество в жизни автора и зрителя. Больше, чем обычный юбилей. И в этот вечер в зрительном зале была необычная для искусства атмосфера праздничности, которая бывает далеко не на всякой премьере.

Длительный и прочный успех «Тани» нельзя объяснить ничем, кроме таланта зрителя. Любвя некая ни организовать, ни получить по разности, а можно только завоевать. И победа была одержана потому, что в спектакле счастливо сошлись пути трех крупных, оригинальных и в то же время близких друг другу художников — драматурга А. Арбузова, режиссера А. Лобанова и актрисы М. Бабановой.

«Таня» — не лучшая пьеса Арбузова. В ней есть свои слабости — мелодраматические излишества и композиционные просчеты. Но уже в «Тане» определились черты, которые очень привлекательны в творчестве Арбузова. Арбузов любит самых рядовых советских людей, знает их жизнь и умеет о ней интересно рассказывать.

Героиня арбузовской пьесы Таня Рябинина в начале пьесы просто любящая жена и хорошая хозяйка. И все-таки она человек новой формации. Гостино-позитивная, приехавшая с целью познаться с нашей жизнью, и пошел бы на этот спектакль. Ничего страшного, если зарубишь этот увидит кино в бабушкиной комнате. Зато, наблюдая жизнь Тани, Дуси и других персонажей пьесы, он увидит много такого, что характерно только для нашей страны, для нашего строя.

Новые общественные отношения легче всего постигнуть, изучая жизнь рядовых членов общества, составляющих его большинство. И чем драматичнее судьба Тани, чем труднее выпавшие на ее долю испытания, тем сильнее рождается спектаклем чувство гордости за наших людей, за те черты нашей

действительности, которые, ставши по в седьмидесяти, не перестали от этого быть революционными.

Режиссерская работа А. Лобанова, как всегда, радует острой наблюдательностью. Режиссура дорожит тем, что и автору; он не только бережно доносит до зрителя авторский замысел, но обогащает его множеством точных и верных деталей. Те, кто помнит и любит такую работу Лобанова, как «Старые друзья», «Служники», вероятно, согласятся, что фундамент, на котором они выросли, закладывался еще в «Тане».

Бабанова играет тысячный спектакль так же блестяще, как семидесять лет назад. Это не значит, что в образе все осталось неизменным. За эти годы многое приобретено и ничего не утеряно. Бабанова не только прекрасная исполнительница, — она создала образ Тани. Виртуозная техника актрисы находится в суровом подчинении замыслу. На примере бабановской героини зритель радостно убеждается, что обыкновенные люди могут быть необыкновенно интересны. Бабанова умеет показывать яркое в скромном, сложное в простом. Можно вспомнить, например, созданные ею образы в пьесах Погодина «Поэма о топоре», «После бала».

Содружество драматурга, режиссера и актрисы, столь успешно проявившееся в спектакле, лишний раз напоминает о том, какое огромное значение имеет в искусстве творческое содружество. За последние годы мы об этом как-то позабыли. Редкий драматург может похвастаться, что у него есть свой театр, есть режиссер-единомышленник. Редкий режиссер имеет своих любимых авторов. Об актерях я уже не говорю...

Юбилей «Тани» — радостное событие. И нельзя не упомянуть добрым словом всех создателей спектакля, в первую очередь юбилов: артистов Н. Тер-Осипян, В. Гердрик, А. Терехину, А. Лукьянову, П. Плотникову, Д. Вуросу, С. Лаврентьеву и композитора И. Меершляхта.

Александр КРОН

Иван МОЛЧАНОВ

Коспер

Крепчал мороз над зимней Камой...

Плотина, шлюзы — все в снегу,

Но пламя рыжее, упрямо,

Струил коспер не берягу.

Сверкали искры ярким росчерком,

Шумел коспер, к огню мая.

И сварщик, сняв очки, на короточках

Грел руки у того огня.

Плотине эти руки отбаны;

Под звездным, крапчатым ковром

Он сотни солнц рождат для

Родины,

А сам доволен был костюмом!

В людскую скромность твердо

Волнуется душа моя... веруя,

Коспер и сварщика — к примеру я

Привел, досад не тая.

Иной и мнит: он солнца хуже ли!

Он выдал книгу на-гора!

Но в книге мы не обнаружили

Хотя бы искру от костра.

На седьмом этаже одного из новых домов

на улице Горького — мастерская художников Кукрыникова

М. Кукрыникова, П. Крылова и Н. Соколова.

Светлая просторная комната похоча на большую квартиру,

в которой сняты все перегородки. На длинном рабочем столе — краски, кисти, карандаши.

— Мы иллюстрируем сейчас трилогию Алексея Толстого «Хожение по мухам», — поясняет Н. Соколов. — Эта книга

выглядит отдельным изданием в Гослитиздате.

На столике в палке — десятки черновых набросков карандашом и черной акварелью

эскизы, зарисовки — все та огромная работа, которая предшествует каждой новой иллюстрации.

Посреди мастерской на белом паркетном полу разложены новые иллюстрации.

Многие рисунки закончены, но «единица» и неразделенная триада, как называет Кукрыников М. Горький, снова и снова возвращается, сверяет свои ощущения от про-

В мастерской Кукрыникова

Художники П. Крылов, Н. Соколов и М. Кукрыников за работой в своей мастерской. Фото А. Ляпина

читанного литературного текста с тем, что уже изображено на вагманских листах.

Привлекает внимание стопка переплетенных комплектов старого журнала «Искра» за 1914 год. Рядом — фотографии царских министров, членов правительства Керенского.

— Новое большое полотно, к работе над которым мы готовимся, посвящено последнему этапу штурма Зимнего дворца аресту Временного правительства, — рассказывает М. Кукрыников. — Летом мы побывали в Ленинграде, познакомились с залом, где происходил арест. Сейчас накапливаем материал для картины: знакомимся с документами того периода, изучаем воспоминания.

— И снова собираемся в Ленинград, чтобы писать с натуры этюды, — добавляет П. Крылов. — Картину «Арест Временного правительства» мы предлагаем закончить к выставке 1957 года, посвященной сорокалетию Великого Октября.

В. ГОЛУБЕВА

Рабочее собрание,

каким оно бывает и каким должно быть

Единица — вздор, единица — ноль, один — даже есть очень важный — не подымет простое пятипериковое бревно, тем более дом пятиэтажный.

В. МАЯКОВСКИЙ

Как-то на крупный уральский завод приехала группа работников Свердловской киностудии с намерением снять документальный киночерк о значном бригадире. Новатор был человеком широко известным, о нем написано немало газетных статей и брошюр, он охотно выступал на многих предприятиях с рассказом о своих достижениях, и кинематографисты, таким образом, приехали на завод с почти готовым сценарием. Все казалось ясным.

Однако же для обсуждения сценария директор завода пригласил зачем-то и главного инженера, и секретаря парткома, и председателя завкома.

— Давайте уж коллективно решать вопрос, — со вздохом сказал он.

— Чего ж тут, собственно, решать? — наивно спросили кинематографисты.

— Да не все так просто, как кажется. Кино, конечно, штука хорошая, только нецеля ли без этого фильма обойтись?

— Что вы, это у нас плановая тема.

— Нельзя, значит? Так, так... Однако, вот, нечестности в сценарии есть. Скажите, например, что герой фильма — единственный создатель своего метода, а это ведь не совсем верно...

— Как же так? Это из брошюры взято, — удивился сценарист.

— Ну, ладно, что уж старое вспоминать, — начал был лет пять назад. С тех пор на заводе много переводчиков выросло. Работают они не хуже, а лучше значного бригадира, и нехорошо, что в сценарии получается, будто один он достиг рекордных высот и парит там наверху в одиночестве.

Кинематографисты удивились еще раз и попросили толком объяснить, в чем тут дело. Тогда заводские работники, отбросив дипломатию, поведали грустную и, в сжале, не столь уж редкую историю.

Они рассказали о том, как в свое время

руководители завода, движимые похвальным стремлением различь огонь соревнования, решили достичь этого, искусственными мерами обеспечить успех какого-нибудь рабочего, чтобы затем сделать его образцом для подражания. Выбор пал на одного из лучших бригадиров, хорошего организатора, человека волевого и честного. У него были кое-какие свои идеи и предположения, но для пущей убедительности его обогащали и мыслями, собранными у его же товарищей, у инженеров, у конструкторов. Ложь в общем-то была невелика, обвинительная маленькая ложь ради пользы дела, ради усиления эффекта.

И эффект получился — производственный результат оказался отменным, в газетах появились портреты новатора, на других заводах — его последователи, он стал ездить по стране, выезжать за ее пределы, его избирали в президиумы собраний...

Но, собирая повсюду наезд искренности и уважения, новатор злился его на своем родном заводе. Его невольники. Сначала это было просто естественным проявлением чувства справедливости: работаем, мол, не хуже, да у знатного и брак идет в почет, а у нас и рекорд не в зачет. Товарищи стали относиться к нему иронически. Обычно «дугая» фигура на этом этапе своей карьеры начинает сбиваться с круга, но он был сильным человеком и попробовал трудом урвать свою славу. Да разве ее догонит?

Так честный человек попал в положение, по существу трагическое. Логика маленькой лжи закономерно привела ко лжи большой, она же превратила и личную человеческую драму в общественно значимую веху. «Дугый» новатор стал своей первоочередностью: его «создавали» как стимул соревнования на заводе — он превратился в тормоз.

Вот почему руководители завода просили кинематографистов воздержаться от фильма о значном бригадире.

Я был свидетелем этого разговора; разумеется, заинтересовался им и пошел по цехам. Из многочисленных разговоров с рабочими, мастерами, инженерами и вынес убеждение, что печальная эта история принесла результаты еще более горькие, чем о них говорили руководители завода. В живом, борющемся коллективе «знатный бригадир» стал раздражающей помехой. Но удивительно вот что. Проходит не день, не два, а годы, и все это изрядно дозело,

мозолит глаза, мешается делу, только и разговоров об этом у заводских людей, но разговоры, оказывающиеся, эти все, как говорили в старину, приключенья да за столочки.

Я пытался разузнать: — Неужели никогда на собраниях не поднимался этот вопрос?

На это собеседник обычно отвечал: — Как же... вроде бы говорили слегка...

Да толку что?

И в словах этих слышалась та же ирония, которую встречался, к сожалению, нередко, — ирония утерянтого доверия к силе и авторитету собрания.

И пересмотрев протоколы почти всех цеховых и заводских рабочих собраний. По большей части они были посвящены подведению итогов соревнования, но нигде я не нашел зафиксированной критики, которая бы отражала настроения, столь открыто высказанные в частных беседах. Как же так? Ведь меня уверяли, что об истории с «знатным бригадиром» не раз пробабили разговоры на собраниях. Остается предположить, что собрания эти проводились теми методами, которые, по счастью, в последнее время все больше выходят из чести. Такое собрание легко себе представить каждому, кто бывал на заводах.

...Раннее утро. В цеховом красном уголке собралась смена — человек двести — триста. Рабочие только что из душевых. Всею ночь эти люди варили сталь или собирали машины, прокатывали трубы или вытачивали детали. Что бы они ни делали, труд был с полной отдачей, и они, конечно, чувствуют усталость. Если уж собрали людей после работы, то надо говорить по-серьезному, о серьезных делах.

Но вот председатель цеховка начинает свое сообщение... Говорит он sternыми, заученными словами, — как только не советую человеку! Говорит информационно, без попыток омыслить, проанализировать предмет своего доклада. Еще недавно он говорил только по бумажке — такая была мода. Теперь же все самое он говорит без шпаргалки. Это, конечно, все-таки лучше, но, оказывается, немногим лучше. Видно, можно ухитриться держать аккурратно отпечатанную бумажку и в голове.

Но вот проходит минут пятнадцать, и слушатели, по извинительной человеческой слабости, чтобы не уснуть, начинают развлекать себя разговорами.

Шум встревожил председателя. Он недоуменно стучит карандашом по графину:

— У оратора регламент не истек. Мы

же сами регламент устанавливали и давай-то будем уважать самих себя...

Шум на минуту стихает. И ведь, сказать по правде, жаль, что стихает. Зачем председательская вежливость не дает появиться естественной реакции слушателей? Каюе это было бы отличное средство заставить человека относиться к своей речи перед товарищами с чувством глубокой ответственности, продумывать ее, придавать ей яркую и по возможности интересную форму. Нет никаких оснований опасаться того, что при этом выиграли бы красноряд и пострадали люди умные, но не умеющие ярко говорить. Если человек искренне, заинтересованно высказывает дельные мысли, его всегда слушают охотно, даже когда он косноязычен. Не хотят слушать пустобреха. Так поделом ему!

Однако приходит конец и докладу. Наступает тагостное молчание.

— Что ж, так и будем молчать? — бодро спрашивает председатель.

Призыв не действует, и он, немного подумав, достает из арсенала испытанную заслуженную «шутку»:

— Ну, раз первого нет, начнем сразу со второго. Кто хочет?

Но и «шутка» не помогает. Тогда, смахнув улыбку, он мрачно говорит:

— Сами себя задерживаем, товарищи. До каких пор сидеть будем? Быстрее начнем — быстрее закончим...

В этих словах, несомненно, есть и логика и резон. Поэтому чуткие до дельных соображений слушатели отзываются на это замечание одобрительным гулом.

К столу выходит парнишка в вагничке. Говорит он азвоблательно и сбивчиво:

— И, конечно, хочу сказать, в общем просиделись мы план, конечно, дали...

Дали и больше плана... Я, например, беру обязательство — 120 процентов.

Председатель удовлетворенно покачивает головой. Парнишка продолжает:

— Но это еще не все. Я хочу оказать срочное содействие. Наша бригада соревнуется с бригадой знатного бригадира. Ладно. А почему нам дают мотор в 20 лошадиных сил, а нам — в три собачьих силы?

«Опытный» председатель знает, как поступать в подобных случаях.

— Ты давай о деле говори, — перебивает он оратора. — А это — частный факт, мы его решим в рабочем порядке.

Но парнишка не испуган в таких тонкостях. Он настойчиво толкует о том, что его беспокоит:

— Нет, зачем же в рабочем порядке? Если он знатный, так ему льгота? Неправильно. Или вот с браком у них...

Председатель пускает в ход еще одно средство:

— Ты вот пока здесь говоришь, я поглядел на твои показатели. У тебя за прошлый месяц всего 96 процентов выполнения. Критической-то амбиции у тебя больше, чем производственной амниции...

В зале раздаются возмущенные голоса, но председатель это не смущает. Цель достигнута: сконфуженный парнишка, махнув рукой, идет к своему месту...

В нашей промышленности не найдешь руководителя, — будь-то директор завода или главный инженер, мастер или начальник цеха, — который бы не говорил о коллективе. Но если у одних за этим словом стоит отчетливое понимание подлинного значения коллектива в нашей советской жизни, то у других представление о коллективе сводится к определению степени исполнительности своих подчиненных. А коллектив — это не сумма исполнителей, коллектив — это огромная творческая сила, и собрание есть форма, в которой эта сила проявляется, в которой выражаются воля и разум коллектива.

Вот почему формально проводимое рабочее собрание — это полнейшее непонимание самой демократической сути нашего общественного строя.

Великий писатель

Сегодня советские люди вместе со всем прогрессивным человечеством чтут память великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского — одного из самых крупных художников мира, снискавшего всеобщее признание своими произведениями, могучей, проникновенной силой изображения человека в тисках старого общества.

Гениальный художник слова, Достоевский жил и творил в сложную переломную эпоху русской истории, когда крепостнический строй подвергался ломке, все больше уступая место развивающемуся капитализму с его новыми целями и муклами для простых людей. Огромные слои населения захватывала и уродовала вихрь чистоты, безудержная власть денежного мешка; рос круг униженных и оскорбленных.

Писатель пристально вглядывался в жизнь, пронизательным взором улавливал, какие страшные страдания несут человечеству разгул хищничества, цинизм вольных законов жизни, улавливал и содрогался перед единственно возможной, как ему казалось, дилеммой — «или рабство, или владычество». Других путей нет; или тебя раздавят, или сам будешь давить других. Это последнее гадко, омерзительно, неприемлемо, не вляется с достоинством человека. Остается, по мысли писателя, сострадание подавленным и смирение.

Начав свою творческую деятельность в 40-х годах прошлого века, Достоевский следует светлым традициям отечественной литературы, исполненной гуманизма, отмеченной демократической устремленностью. Его первую повесть «Бедные люди» всотворенно встретили Некрасов и Белинский, все те, кто представлял лагерь революционной борьбы, кто видел единственный путь освобождения человека в идеях социализма, тогда еще утопического.

Наделенный большой душевной чуткостью, Достоевский остро воспринимал общественное зло, тяжело переживал боль и страдания «маленького человека» с раздвоенной душой, в которой ужасались и протест против мира насилия и покорности, порожденные противоречивыми условиями эпохи. И уже в первый период своего творчества писатель ошибочно усматривал в этих противоречиях навсегда данные свойства человеческой природы.

Эти серьезные изыскания в мировоззрении молодого писателя, сказавшиеся в ряде произведений, может быть, потом сгладятся бы под влиянием революционной идеологии, если бы не аские силы царизма, подстергавшие все светлое и чистое, чтобы сломить и растоптать. Достоевскому дорого пришлось заплатить за свои ранние революционные увлечения, за участие в кружке петрашевцев. После арестованного глумления над личностью чувственного писателя царские власти заперли его в Омской крепости, обрели на каторгу, ссылали, выбросили на десять лет из жизни, предав безнадёжному духовному одиночеству среди других угнетенных и искалеченных людей. Это было после поражения революции 1848 года на Западе, в преддверии разгара реакции в России, и все виднее еще более надомло тонокую душу писателя, усилило его колебания, пробудило в нем неверие в революцию, сознание невозможности изменить жизнь к лучшему.

С этих пор писатель все шире и громче проповедает покорность и смирение, пытается примирить непримиримое — интересы угнетенного народа с интересами угнетателей. Вместе с тем было бы грубой ошибкой за этими враждебными субъективными устремлениями писателя не видеть огромной силы его реализма, той потрясающей правды жизни, которая объективно отражена в больших социальных картинах, обнаживших мерзкую подноготную капиталистического общества с его сетями

лжи, лицемерия, зверного эгоизма. Эта большая правда встает со страниц ярких книг Достоевского с захватывающими сюжетами и образами. Эта правда отраженной художником действительности сама встает против ошибочной его морали.

Всемирной известностью пользуются такие произведения Достоевского, как «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Записки из Мертвого дома», «Идиот», «Подрасток», «Братья Карамазовы», сурово повествующие о буржуазном обществе, разрывающем и уродующем людей. Произведения Достоевского сильны своим горячим протестом против бесчеловечного общественного строя, а не религиозно-нравственными тенденциями писателя, ложными и бесплодными в своей основе, давно опровергнутыми ходом исторического развития.

Было бы ошибкой, вместе с тем, не замечать, что реакционные взгляды писателя не всегда заглушались в его творчестве могучей силой реализма, что они, наоборот, нередко снижали эту силу. Реакционные мировоззренческие наклонности у Достоевского, его художественному тению, порождали надуманные, фальшивые образы, наложившие отпечаток на его образную систему. Религиозно-охранительные тенденции Достоевского, его смирение и кротость не позволяли ему почувствовать движение времени. Среди его героев нет сильных и цельных характеров, аясных в своих устремлениях благородных борцов за народное дело. Писатель прошел мимо этих людей, не понял их, а в одном из слабейших своих произведений — романе «Бесы» — злобно изобразил образы полных революционеров.

Горький высоко отзывался о Достоевском, резко критикуя в то же время реакционные взгляды писателя, решительно отвергая «достоевщину». Сложно, противоречиво, двойственно, исповедно глубочайшего драматизма творчество Достоевского. С тех пор, как он написал свою последнюю страницу, прошло много лет. Весь ход истории показал, что в великой битве за человека, за народное счастье, против злу угнетения и унижения победила передовая, революционная Россия — та, которой не увидел Достоевский.

Советские люди, не закрывая глаза на слабые стороны творчества Достоевского, на все ошибочное и порочное в его произведениях, ясно видят, в чем подлинное величие его как художника. Как бы ни пытались сегодняшние зарубежные реакционеры, враги мира и счастья народов, использовать мрачные страницы Достоевского для своей мистической, антинаучной пропаганды, им не удастся скрыть от читателя его страстный протест против угнетения, его любовь к человеку, безмерно страдающему в хищническом мире. Все лучшее в Достоевском — гениальный дар проникновения в самые глубины человеческой психики, беспокойная совесть, жаждоющая истины, способность видеть в общественной жизни, мучительные раздумья о судьбе человека в классовом обществе, раздираемое противоречиями, могучий пафос в защиту простых людей, несравненное мастерство художника, обогатившего мировую литературу — все это высоко ценят советские люди.

Подлинного Достоевского мы никому не отдадим. Миллионами тиражами выходят в Советской стране его книги, издается собрание сочинений, публикуются неизданные произведения. Вышли новые работы о творчестве писателя. Широко отмечалась 75-я годовщина со дня смерти Достоевского, несомненно, послужит усилению марксистской разработки коренных вопросов его творческого наследия, усилению действительного исторического места и значения великого русского и мирового писателя.

Подлинного Достоевского мы никому не отдадим. Миллионами тиражами выходят в Советской стране его книги, издается собрание сочинений, публикуются неизданные произведения. Вышли новые работы о творчестве писателя. Широко отмечалась 75-я годовщина со дня смерти Достоевского, несомненно, послужит усилению марксистской разработки коренных вопросов его творческого наследия, усилению действительного исторического места и значения великого русского и мирового писателя.

Сила художника

В мировой литературе немного найдется писателей, которые обладают умением так захватывать читателя, так потрясать его душу, как этого достигает Достоевский в лучших своих творениях. Слово, сказанное им, слово о социальных низах, о человеческом достоинстве, благородстве, душевной чистоте простых людей — это слово оказалось столь же сильным и страстным, что ознаменовало новое явление в литературном развитии. Открытые сложности, своеобразия внутреннего мира «ничтожного» (с точки зрения аристократической эстетики) героя было сделано не сторонним наблюдателем, не человеком, у которого бросилось в глаза «меньшого брата» вызывает лишь соболезнование. Чувства и переживания бедного люда Достоевский воспроизводит настолько остро, что страдания героев ощущаются как собственные страдания писателя, а изображенные им картины воспринимаются с такой красочной живописностью, как будто проходят непосредственно перед нашими глазами и мы слышим грозные вопросы, отчаянные стоны, глухие проклятия.

В чем «тайна» этого мастерства Достоевского, мастерства, которое исключительно высоко оценивал Горький, со справедливой резкостью выступавший в то же время против реакционных сторон его творчества?

Обычный ответ на этот вопрос гласил: могучее воздействие наиболее совершенных образов Достоевского — результат его таланта. Можно ли спорить? Сам Достоевский однажды заметил: «Писатель без таланта, тот же хромой солдат». Но все же ответ слишком общий.

Конечно, исключительная одаренность, чуткость натуры, поэтическая фантазия, владение так называемыми «секретами» художественности — искусством композиции, сюжета и т. д. — все это качества, без которых немисимо представление о гениальном писателе. Но сам Достоевский, который в высокой степени обладал этими качествами, ставил вопрос шире и глубже.

Он много размышлял на тему об условиях проявления силы таланта. Эта тема сопрягается с большой и совсем еще не изученной областью — эстетикой Достоевского, областью, в которой также выразилось свойственное всей его творческой деятельности причудливое сочетание верного и неверного, жизненной правды и идеалистического субъективизма. Но сквозь противоречивость понимания Достоевским задач писателя пробиваются живые и плодотворные мысли, не только захватывающие интересные, но и весьма поучительные.

Какими же условиями, по мнению Достоевского, определяется сила таланта? В одной из своих статей Достоевский утверждал: «Можно знать факт, видеть его самолучно это раз и все-таки не получить такого впечатления, как если кто-нибудь другой, человек особенный, станет подде вас и укажет вам тот же самый факт, но только по-своему, объяснит вам его своими словами, заставит вас смотреть на него своим взглядом. Этим-то влиянием и поназывается настоящий талант».

«Можно знать факт, видеть его самолучно это раз и все-таки не получить такого впечатления, как если кто-нибудь другой, человек особенный, станет подде вас и укажет вам тот же самый факт, но только по-своему, объяснит вам его своими словами, заставит вас смотреть на него своим взглядом. Этим-то влиянием и поназывается настоящий талант».

Сила художника

В мировой литературе немного найдется писателей, которые обладают умением так захватывать читателя, так потрясать его душу, как этого достигает Достоевский в лучших своих творениях. Слово, сказанное им, слово о социальных низах, о человеческом достоинстве, благородстве, душевной чистоте простых людей — это слово оказалось столь же сильным и страстным, что ознаменовало новое явление в литературном развитии. Открытые сложности, своеобразия внутреннего мира «ничтожного» (с точки зрения аристократической эстетики) героя было сделано не сторонним наблюдателем, не человеком, у которого бросилось в глаза «меньшого брата» вызывает лишь соболезнование. Чувства и переживания бедного люда Достоевский воспроизводит настолько остро, что страдания героев ощущаются как собственные страдания писателя, а изображенные им картины воспринимаются с такой красочной живописностью, как будто проходят непосредственно перед нашими глазами и мы слышим грозные вопросы, отчаянные стоны, глухие проклятия.

В этих признаниях — ключ к пониманию могущественного значения самых волнующих образов Достоевского, а также слабости его других, надуманных характеров. Разумеется, в трактовке Достоевским понятий «гуманность» и «гражданственность» было много и враждебного передовым общественным силам, консервативного. Но именно как гуманист, в высоком смысле слова, выступал он, когда показывал, что «петербургское человечество», одержимое лучшими мечтами и чувствами, — это не паразитическая часть населения и не мир обособков, озаренных сиянием хрустальных люстр, а мир чердаков и подвалов, освещенных огарком свечи.

Как гуманист выступал Достоевский тогда, когда он показывал, пусть призрачный или затененный, но зреющий протест бедного люда, или когда, рассказывая о погребенных на каторге великих силах, вопрошал: кто виноват? В самой двойственности его творчества, в столкновении тенденций смирения и протеста остались тлеть искры японески влечений. Но разрывом с гражданским гуманизмом и ослаблением силы таланта были ознаменованы те его произведения, в которых взгляд художника был ослеплен реакционной тенденциозностью.

Необходимым условием проявления силы таланта Достоевский считал работу писателя над самыми злободневными темами современности. Он порицал писателей, которые обращают внимание на характерность тех или иных явлений действительности или типов уже тогда, когда эти явления или типы проходят или исчезают и старые падают на стол за новое. «Только гениальный писатель, или уж очень сильный талант угадывает тип современно и подает его своевременно; а ordinarily только следует по его пятам, более или менее рабаки, и работая по заготовленным уже шаблонам», — писал Достоевский.

Именно таким чутким писателем, с исключительной моткостью, современно и своевременно угадывавшим типы Макара Девушкина, Раскольникова, Настасьи Филипповны, Ивана Карамазова и других, и был Достоевский. Он не отстранялся от мучительного анатомического анализа конфлик-

тов, которые порождала эпоха ломки старой России, эпоха острого столкновения классовых сил, и хотя искаженно понимал сущность этого столкновения, но ставил на очередь самые животрепещущие проблемы социальных контрастов. Предпочтение современной социальной теме перед всеми другими сквозит во многих суждениях Достоевского.

Быть может, наиболее интересными являются в этом плане мысли, которые высказывает в эпилоге романа «Подрасток» Николай Семенич. Не без иронии говорится здесь о романисте, который предпочитал исторические сюжеты, да и не вообще исторические, а такие, которые приносят спокойствие, в которых заключается отдых от жизненных бурь. Но что же делать писателю, не желающему писать лишь в историческом роде и одержимому тоской по текущему? — спрашивает Николай Семенич и отвечает: «угадывать и... ошибаться».

Сила художника

В мировой литературе немного найдется писателей, которые обладают умением так захватывать читателя, так потрясать его душу, как этого достигает Достоевский в лучших своих творениях. Слово, сказанное им, слово о социальных низах, о человеческом достоинстве, благородстве, душевной чистоте простых людей — это слово оказалось столь же сильным и страстным, что ознаменовало новое явление в литературном развитии. Открытые сложности, своеобразия внутреннего мира «ничтожного» (с точки зрения аристократической эстетики) героя было сделано не сторонним наблюдателем, не человеком, у которого бросилось в глаза «меньшого брата» вызывает лишь соболезнование. Чувства и переживания бедного люда Достоевский воспроизводит настолько остро, что страдания героев ощущаются как собственные страдания писателя, а изображенные им картины воспринимаются с такой красочной живописностью, как будто проходят непосредственно перед нашими глазами и мы слышим грозные вопросы, отчаянные стоны, глухие проклятия.

В этих признаниях — ключ к пониманию могущественного значения самых волнующих образов Достоевского, а также слабости его других, надуманных характеров. Разумеется, в трактовке Достоевским понятий «гуманность» и «гражданственность» было много и враждебного передовым общественным силам, консервативного. Но именно как гуманист, в высоком смысле слова, выступал он, когда показывал, что «петербургское человечество», одержимое лучшими мечтами и чувствами, — это не паразитическая часть населения и не мир обособков, озаренных сиянием хрустальных люстр, а мир чердаков и подвалов, освещенных огарком свечи.

Как гуманист выступал Достоевский тогда, когда он показывал, пусть призрачный или затененный, но зреющий протест бедного люда, или когда, рассказывая о погребенных на каторге великих силах, вопрошал: кто виноват? В самой двойственности его творчества, в столкновении тенденций смирения и протеста остались тлеть искры японески влечений. Но разрывом с гражданским гуманизмом и ослаблением силы таланта были ознаменованы те его произведения, в которых взгляд художника был ослеплен реакционной тенденциозностью.

Необходимым условием проявления силы таланта Достоевский считал работу писателя над самыми злободневными темами современности. Он порицал писателей, которые обращают внимание на характерность тех или иных явлений действительности или типов уже тогда, когда эти явления или типы проходят или исчезают и старые падают на стол за новое. «Только гениальный писатель, или уж очень сильный талант угадывает тип современно и подает его своевременно; а ordinarily только следует по его пятам, более или менее рабаки, и работая по заготовленным уже шаблонам», — писал Достоевский.

Именно таким чутким писателем, с исключительной моткостью, современно и своевременно угадывавшим типы Макара Девушкина, Раскольникова, Настасьи Филипповны, Ивана Карамазова и других, и был Достоевский. Он не отстранялся от мучительного анатомического анализа конфлик-

тов, которые порождала эпоха ломки старой России, эпоха острого столкновения классовых сил, и хотя искаженно понимал сущность этого столкновения, но ставил на очередь самые животрепещущие проблемы социальных контрастов. Предпочтение современной социальной теме перед всеми другими сквозит во многих суждениях Достоевского.

Быть может, наиболее интересными являются в этом плане мысли, которые высказывает в эпилоге романа «Подрасток» Николай Семенич. Не без иронии говорится здесь о романисте, который предпочитал исторические сюжеты, да и не вообще исторические, а такие, которые приносят спокойствие, в которых заключается отдых от жизненных бурь. Но что же делать писателю, не желающему писать лишь в историческом роде и одержимому тоской по текущему? — спрашивает Николай Семенич и отвечает: «угадывать и... ошибаться».

Видно куда богаче всех наших выдумок! Никакое воображение не придумает вам того, что дает иногда самая обыкновенная, заурядная жизнь. Угадывать жизнь!».

И, наконец, условием проявления силы таланта Достоевский считал непрестанный, огромный, вдохновенный труд. Теперь, после того, как мы столько знаем о творческом процессе Достоевского, никто не посмеет сказать, что он, в силу обстоятельств своей безмерно тяжелой жизни, не вынашивал своих произведений и всегда писал их сразу, с лихорадочной быстротой. Своеобразие дарования Достоевского заключается в том, что самая большая, самая напряженная длительная творческая работа происходила в его сознании до того, как образы переносились на бумагу. Но и дошедшие до нас рукописи и записные книжки Достоевского говорят о том, как упорно, как титанически он трудился.

В «Дневнике писателя» Достоевский однажды заметил, что жизнь средне-высшего дворянства, ярко описанная беллетристами, есть уже слишком ничтожный и обособленный уголок русской жизни. Он указывал на необходимость осветить «остальные уголки», страшно многочисленные. «И если в этом хаосе, в котором давно уже... пребывает общественная жизнь, и нельзя отыскать еще нормального закона и руководящей нити, да, может быть, и шекспировских размеров художнику, то, по крайней мере, кто же осветит хотя бы часть этого хаоса и хотя бы и не мечтая о руководящей нити?» — писал Достоевский.

Достоевский осветил многие «уголки хаоса», куда ранее не достигал взгляд художника, но на тех позициях, на которых он стоял, «нормальный закон» и «руководящая нить» не были и не могли быть обречены. В этом разгадка не только силы и слабости Достоевского, но и трагедия его таланта, источник мучений и колебаний писателя. Но когда его талант пытался корнями самой действительности, мощная сила этого таланта всегда оказывалась направленной против религиозной догматики, смиренного уюта, апологии неподвижности. Так живая вода разрушает мертвый камень, так живые ростки всегда выбиваются вперед сквозь истлевшие листья.

общественной среды, и считали, что главные усилия должны быть направлены не столько на наказание преступников, сколько на переустройство ненормальных общественных отношений, порождавших преступность. Достоевский придерживался этого же взгляда и сохранял его в Сибири. Теоретический и гуманный интерес к проблеме преступления, усвоенный Достоевским в сорочков годы, соединился у него после каторги с необходимостью бороться записом наблюдений над реальными преступлениями с их реальными преступлениями. Это дало ему возможность связывать в едином сюжетном изложении философско-художественные обобщения, «позицию» с «художеством», под которым он разумел живописные реальности.

Отказ от идеи революции заставил Достоевского ополчиться против теории «среды», как на один из наиболее ненавистных ему пунктов материалистического учения о человеке. Теорию «среды» он, совершенно справедливо, стал считать несовместимой с христианским учением о грехе. Своей художественно-образной трактовкой преступления Достоевский надеялся опровергнуть материалистические и социальные учения идеальных наставников своей молодости, а также руководителей вновь подымавшегося поколения, и заменить их христианской догмой о греховности всякого протеста, не только индивидуального, но и общественного, и о необходимости искупить его страданиями и покорностью.

Однако знание жизненного материала, глубокое проникновение в обстоятельства и психологию, порождавшие преступления, приводил его, как правдивого художника, к объективным результатам, противоречивым по своему содержанию. Его романы приобретали значение ярких свидетельств о том, что жизнь запуталась и искажалась и требует нового исхода, который можно дать не прошедшее, а только будущее, развивающееся по законам, не зависящим от субъективных дозрений писателя.

Революционно-демократическая критика (Добролюбов, Писарев, Шедрин) сразу же заметила это коренное противоречие в творчестве Достоевского. Она не прощала Достоевскому ни одного его заблуждения, ни одного его реакционного вывода, но ее неблагоприятный анализ доказывал в то же время, что жизненные конфликты, узловые и изображенные Достоевским, могут быть разрешены только на революционном пути.

Отказ от идеи революции заставил Достоевского ополчиться против теории «среды», как на один из наиболее ненавистных ему пунктов материалистического учения о человеке. Теорию «среды» он, совершенно справедливо, стал считать несовместимой с христианским учением о грехе. Своей художественно-образной трактовкой преступления Достоевский надеялся опровергнуть материалистические и социальные учения идеальных наставников своей молодости, а также руководителей вновь подымавшегося поколения, и заменить их христианской догмой о греховности всякого протеста, не только индивидуального, но и общественного, и о необходимости искупить его страданиями и покорностью.

Однако знание жизненного материала, глубокое проникновение в обстоятельства и психологию, порождавшие преступления, приводил его, как правдивого художника, к объективным результатам, противоречивым по своему содержанию. Его романы приобретали значение ярких свидетельств о том, что жизнь запуталась и искажалась и требует нового исхода, который можно дать не прошедшее, а только будущее, развивающееся по законам, не зависящим от субъективных дозрений писателя.

Революционно-демократическая критика (Добролюбов, Писарев, Шедрин) сразу же заметила это коренное противоречие в творчестве Достоевского. Она не прощала Достоевскому ни одного его заблуждения, ни одного его реакционного вывода, но ее неблагоприятный анализ доказывал в то же время, что жизненные конфликты, узловые и изображенные Достоевским, могут быть разрешены только на революционном пути.

Литературная газета № 17 9 февраля 1956 г. 3

Достоевский в Сибири

Достоевский, вместе с другими петрашевцами, был арестован 23 апреля 1849 года. 23 января 1850 года его доставили в Омскую каторжную тюрьму.

Движение петрашевцев не было изолированным явлением. Оно явилось политической вершиной подъема сорочков годов. Оно было связано многими нитями с революционным брожением, подготовившим 1848 год. Разгром петрашевцев приобрел значение заключительного аккорда контрреволюционного террора, завершившего «бесумный год» революции.

Поражение общественного движения вызывает двойные результаты. Наиболее стойких деятелей, особенно если они верны в массы, поражение закаляет. Салтыков, тоже петрашвец, засланный в далекую и глухую тогда Якут, сопоставив то, «о чем говорила моя книга», с реальной действительностью, «во второй раз понял, понял и сердцем, и мыслями, и всем существом» правоту своих идеалов. У слабых же поражение рождает разочарование, приводящее к пересмотру и даже к отказу от старых программ.

Вступил в полосу пересмотра своих убеждений и Достоевский. Его отличие от Салтыкова состояло в том, что он усвоил не столь прочно уроки Белинского и Герцена (что выразилось в «Двойнике») и не пережил идеологический кризис ему пришлось в исключительной обстановке каторги. «Одному душевно», — писал Достоевский, — я пересматривал все прошлую жизнь мою... вдумываясь в мое прошедшее, судил себя один немилосиво и строго». Какие же выводы сделал Достоевский в итоге своего «строгого пересмотра»?

Свое соприкосновение с уголовными каторжниками Достоевский воспринял, как соприкосновение с народом, без всякой поправки на особенность среды, в которой он очутился. Оказалось, что «народ» не понимает и не признает политических. В недвоякий каторжане проявилось недоверие «мужиков» в дворян. «Да-с, дворян они не любят», — объяснял Достоевскому один из них, — особенно политических... Во-первых, вы и народ другой, на них непохожи, а во-вторых, они все прежде были или помещики, или из военного звания. Сами посудите, могут ли они вас полюбить-с?».

В трагическую черту «Записок из Мертвого дома», книги, в которой Достоевский (хотя и с оглядкой на цензуру) описал, что он пережил и передала в остроге.

Правильный анализ привел бы Достоевского к выводу, что необходимо разбудить сознательность масс, разъяснить им, в чем состоят их истинные интересы, и тем поднять их до уровня передовых общественных программ. Достоевский пошел по другому — неверному и опасному — пути. Он решил, что передовой интеллигенции необходимо опуститься до уровня народа, как ему казалось, на самом же деле до уровня тогдашней отсталости и темноты. «Не много могут научить народ мудрецы наши», — формулировал он свой тезис. — «Даже увидевшего скажу, — напротив: сами они еще должны у него поучиться».

Чтобы сравниться с «народом», Достоевский стал прежде всего рассудочно укреплять в себе религиозное чувство. В его признаниях проскальзывает очень любопытная нота, говорящая не о вере, а о намерении верить так, как верит темный люд.

Равнение на отсталость, подогрванное в себе христианской веры привели Достоевского к отказу от идеи революции. Наблюдения над народными типами из среды каторжан и обобщение этих наблюдений в систему взглядов о народе создавали у Достоевского убеждение в беспечности будто бы ожидающая революции в России и даже нежелательности ее. А. Врангелю, наблюдаявший его в Семипалатинске, сообщая, что «слышал от него... что политический переворот в России понапустим, преждевременен...». Подчеркнуто Врангелем слово «пока» обозначает вынужденность отказа от старых убеждений: народ пока не готов. Однако оно содержит в себе и элемент страха. Пока переворот, революция невозможны, но кто знает, как пойдет дело в будущем. Каторга создала у Достоевского ощущение страха перед возможными стихийными революционными вспышками.

Однако политическое смирение еще не перешло у Достоевского в смирение моральное и в отказ от демократических симпатий 40-х годов. «Собаки любят смирение и покорность в себе подобных», — читаем мы его саркастическое замечание в «Записках из Мертвого дома». В «Дневнике писателя» Достоевский писал о преступниках

Иллюстрация художника Д. Шмарнинова к роману Ф. Достоевского «Преступление и наказание». Книга выпускается Гослитиздатом.

Иллюстрация художника Д. Шмарнинова к роману Ф. Достоевского «Преступление и наказание». Книга выпускается Гослитиздатом.

Иллюстрация художника Д. Шмарнинова к роману Ф. Достоевского «Преступление и наказание». Книга выпускается Гослитиздатом.

из низовых слоев населения, в котором он провел четыре года: «никто из них не считал себя правым» и что точно так же не считал их правым народ. В самом же остроге он полагал другое: «преступник», — писал он, — восставший на общество... всегда считает себя правым», и причину этого видел в социально-классовой подоплеке преступлений против крепостнических и капиталистических законов.

Настроения Достоевского на каторге были пронизаны не культом мученичества и страдания, а жаждой воли, свободы. Как прекрасно описано неуживчивое, яростно сопротивляющееся ола! Сколько сочувствия его гордости, непокорству, его ненависти к неволе и сколько желания последовать за ним!

Несколько позднее одним из важных предметов общественной дискуссии, острим своим направлением против режима абсолютизма, стала проблема телесных наказаний. Вспомним в этой связи выступления Добролюбова против Пирогова. Достоевский со страстным негодованием осуждал телесные наказания, носящемуся принадлежность крестнического «справ», как способ гражданского разложения общества, как способ воспитания тиранов. «Тираниство есть привычка. — писал он, — оно одарено развитым... Бровь и власть пынать: развивают згубность, разврат... Человек и гражданин гибнут в тиранистве навсегда, а возврат к человеческому достоинству, в раскаянии, к возрождению становится для него уже почти невозможен».

Но ведь это значит, что к такому погнбшему для добра «человеку» нельзя подходить с меркой христианского восприятия, что для обуздания такого рода «делателей» должны быть найдены иные средства, что должен быть установлен такой порядок, при котором безразличный, злой человек не мог бы получить права распоряжаться себе подобным.

современной ему России. Позицию его в это время можно назвать, в социальном и политическом отношении, реформистской.

С такими настроениями Достоевский в феврале 1854 года вышел из каторги и был зачислен рядовым в Сибирский 7-й линейный батальон в Семипалатинске. В идеологическом отношении Достоевский попрежнему был предоставлен самому себе. «Друг ты мой, если б ты только знал в каком я здесь горьком одиночестве, — жаловался он брату 21 августа 1855 года... — И одиноко, как камень отброшенный».

В 1853 году началась Крымская война с ее Севастопольской эпопеей. В начале 1855 года умер Николай I. Россия вступила в период общественного подъема. Одной из слабых сторон движения шестидесятих годов было отставание провинции от столиц. Новые явления почти не доходили до Семипалатинска, и Достоевский не понимал, что начиналось в России: «Что же нового в том движении, обнаружившемся вокруг вас, о котором вы пишете как о каком-то новом направлении? Признаюсь вам, я вас не понял...» — писал он А. Майкову 18/1 1856 года. — Вы пишете, что общество как бы проснулось от апатии. Но вы знаете, что в нашем обществе вообще манифестаций не бывает».

Старое казалось Достоевскому тем более неизбывным, что вынесенный ему приговор оставался в полной силе. Достоевский и сосредоточил свою энергию прежде всего на том, чтобы добиться освобождения. Чтобы облегчить свои ходатайства, он стал писать верноподданнические стихотворения. Цель всех его полустихотворений-полупрошений была совершенно открытой: «снискайте доверие правительства».

В отставку Достоевский сумел выйти только в 1859 году. Так как въезд в Петербургскую и Московскую губернии был ему запрещен, то он выбрал для жительства Тверь. Лишь в декабре 1859 года, когда революционный кризис был близок к своей вершине, он получил разрешение поехать в Петербург. Насколько все эти годы Достоевский был

ПРЕКРАТИТЬ ГРУБОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ДЕЛА СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

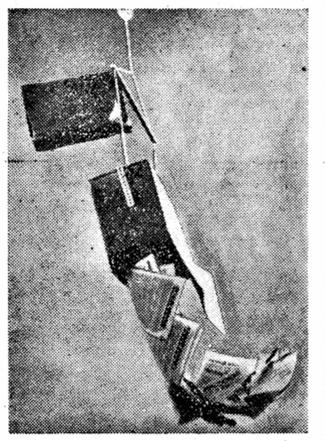
Воздушные шары угрожают жизни людей

В последние дни внимание мировой общественности приковано к беспрецедентному вмешательству американских военных органов в дела СССР и стран народной демократии. Как известно, над этими государствами появляются в значительном количестве воздушные шары. Эти шары несут на себе специальную аппаратуру, в том числе автоматические действующие радиоприемники и радиопередатчики, фотоаппараты, а также враждебные Советскому Союзу и странам народной демократии провокационные листовки.

Сегодня мы публикуем снимки, показывающие, как действуют нарушители суверенитета свободных стран. Один из этих снимков прислал из Швейцарии участник движения сторонники мира (см. вверху слева). На фотографии зафиксирован момент, когда с воздушного шара автоматически сбрасывается пропагандистская литература. Специальной механикой для сбрасывания снабжен детонаторами и электрическими батареями. На втором снимке (см. вверху справа), взятом нами из английской газеты «Дейли уорнер», показан процесс запуска воздушных шаров.

Незаконные действия американских организаций вызывают возмущение самых широких кругов общественности. Накануне второй мировой войны «неизвестные» подводные лодки притворялись в открытом море, топили торговые корабли, губили жизнь сотен людей. Ныне организаторы полетов воздушных шаров запускают свои снаряды на территорию суверенных государств, ставят под угрозу жизнь пассажиров и членов команд самолетов гражданской авиации. Этим занимаются американские военные органы. Они используют территорию Западной Германии, а также американские воздушные базы в некоторых государствах, граничащих с Советским Союзом, Чехословакией... Клеймо «Made in USA» на изделиях, подвешенных к шарам, не требует переводчиков.

За океаном утверждают, что это, мол, дело рук частных американских организаций, пущихся о «порабощенных» народах, дело рук так называемого «Крусайд фор фридом» — «Крестового похода за свободу». В таком духе, например, ответил 24 мая 1954 года государственный департамент на протест Чехословацкого правительства по поводу засылки воздушных шаров на территорию Чехословакии. И сегодня снова, как видно из сообщения агентства Юнайтед Пресс, представители госдепартамента комментируют протест Советского правительства, отрицают, что США запускают шары. Он заявил, что этим занимались в прошлом лишь небольшие группы частных лиц в Западной Германии.

Чешская пословица гласит: «Веди осла хоть до Парижа, коня из него все равно не будет». Можно без устали утверждать, что подрывная организация «крестоносцев свободы» является лишь некоей благотворительной частной конторой, но ослыные уши ее истинных хозяев видны всем.

Вот свидетельство очевидца. Говорит бывшая сотрудница пресловутой радиостанции «Свободная Европа» в Мюнхене, органа «Крусайд фор фридом», Мария Дворжакова. Она недавно вернулась на родину в Чехословакию. Выступая по пражскому радио, Дворжакова заявила, что засылкой воздушных шаров из Западной Германии ведала в Мюнхене американский агент Соронсон. Он регулярно докладывает обо всем в Вашингтон Уильяму Грейфурту, сотруднику отдела Восточной Европы государственного департамента. Базы, с которых запускаются шары, обслуживаются и охраняются американскими военными агентами, агентами разведки США.

Эти базы имеются в Брунне, Котмейслинге-на-Хаме. Онданжды американская газета «Вашингтон пост» признала, что Центральное разведывательное управление США занимается «безрассудными авантюрами», «грязной работой» и т. п. Это полностью относится к деятельности американских агентов по запуску воздушных шаров.

Что же касается так называемых «частных» организаций, то их сотрудники — всего лишь «подмастерья» в этой грязной работе. По свидетельству Дворжаковой, одну из главных скрипок в так называемом «комитете борьбы за «Свободную Европу», находящемся в Нью-Йорке, играет американец — политический консультант «комитета» Льюис Галантер. А нищие думом людишки из чехословацкой резидентуры эмигрантов составляют провокационные листовки, чье циничное содержание вызывает в памяти слова Гейне: «Злоба и глупость блудили тут».

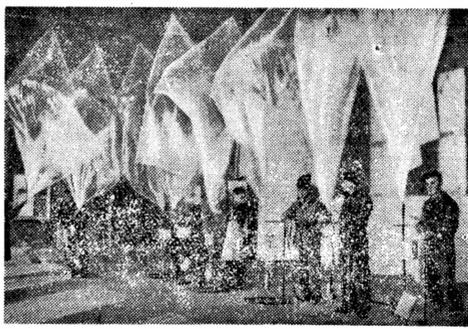
«Если бы началась война, — открыто писал в эмигрантском листке Галантер, — эти страны (Чехословакия, Польша и Венгрия) представляли бы собой то, что на военном языке называется зоной коммуникации. Но может ли радиовещание «Свободная Европа» сделать так, чтобы эта зона, эти страны стали для советской власти зоной, не внушающей доверия, зоной, населенной потенциальными ставкостанниками: над этим, думаем, стоит поработать. Радиовещание «Свободная Европа» по-прежнему оказывает помощь, пусть скромную, НАТО».

Итак, «крестоносцы», по их собственному признанию, трудятся на благо Атлантического блока, направленного против свободных государств. Поэтому днем и ночью отправляют эфир радиостанции «Свободная Европа», поэтому запускается большое количество шаров, наполненных горючим, легко воспламеняющимся газом. Они несут клеветнические листовки, автоматические действующие фотоаппараты для съемки с разведывательными целями, радиопередатчики и радиоприемники...

Американские военные органы самым грубым образом нарушают воздушное пространство суверенных государств, нарушают их территориальную неприкосновенность. «Грязная работа» вызывает справедливое возмущение мировой общественности. Проводники обанкротившейся политики «с позиции силы» еще раз продемонстрировали всему миру истинный характер этой политики, которая не останавливается перед самым бесчестным попранием общепризнанных норм международного права. Даже английская буржуазная «Манчестер гардиан» пишет, что запуск опасных для жизни шаров может превратиться в большую международную проблему. Если Чехословакия (над которой больше всего летает воздушных шаров) потребует на международном форуме принятия мер для прекращения этой кампании, придёт к выводу газета, это нелегко будет оспаривать.

Народы требуют прекращения провокационных действий американских военных и других организаций, требуют отгрядить суверенитет свободных стран от вмешательства извне.

Н. БАБИН

Деннис Шукуд ОСАДЕБЭЙ

О ЧЕМ ПОЕТ АФРИКА

«Африка поет» — так озаглавил сборник своих стихотворений нигерийский поэт Деннис Шукуд Осадебэй. В предисловии к сборнику автор пишет: «...Тема, пронизывающая книгу, — живущее в сердце Африки стремление быть свободной и желанье африканских народов занять принадлежащее им по праву место во всемирной семье свободных наций».

Обращая к своим читателям, поэт говорит: «Если этот сборник заставит вас подумать об Африке и африканцах, побудит вас, исполненными веры и надежды, вступить в борьбу за освобождение Африки, — он выполнит свое назначение».

Ниже мы публикуем перевод нескольких стихотворений из книги стихов Осадебэй.

ТОМУ, КТО КУПИЛ КНИГУ МОИХ СТИХОВ

Купивший мысль мою —
Купил не чашу меда,
Ни капли сладости он не отыщет
Ни капли радости в ней.

Купил он муки Африки моей,
Купил он горе моего народа,
Купил он слезы женщин и детей,
Купил он голод, глушущий миллионы,
Купил болезни, нищету и стоны,
И ожиданье новых, лучших дней.

Купивший мысль мою —
Купил не чашу с ложью,
Не предсказанья бронзовых божков,
Купил он мудрость и уроки веков,
Купил он думы нашей молодежи,
Купил мечту без ташей оков,
Купил лучи дзержанья и рассвета,
Купил вопросы и поиски ответа,
Тропу времен и дальний гул шагов.

Купивший мысль мою —
Купил дыханье века,
Купил огонь, который жег сердца,
Огонь, зажженный не рукой жреца,
А верой человека в человека,
Неугасим, как ярко он пылает!
Неугасим, над всей землей горит!
И разрушает, и карает,
И очищает,
и творит.

ДУМЫ ЧЕРНОКОЖЕГО ЧЕЛОВЕКА

Я думаю часто о жизни того,
Кто черным родился на свет:
Борьба или рабство — участь его,
Другого выбора нет.
На колених вымаливая хлеба кусок,
Чтобы жить ты мог, чтоб дышать ты мог.

За вас я кровь свою проливал,
Но равным я не был вам;
Хоть сердцем я чист и хощу
Мудрость познал,
Словая я по рукам и ногам,
Разве должен я жить среди
Звона цепей?
Разве должен свисать с удары
тростей?

Ваших пушек и бомб не имею я,
Не учли меня воевать;
Но мне вы с распытием пришли
и меня
Заставляли покорно молчать.

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

Года полтора назад западногерманское издательство «Авентинус» Берггау так рекламировало одну из своих новинок: «61.000 немцев эмигрировали в 1953 году. Сотни тысяч хотят еще эмигрировать. Для них книга Мартина Меллигина «Эмигрировать — но куда?» — хороший советчик».

Выпустив это руководство для переселенцев, издательство, наверное, не прогадало, — массовая тяга к отъезду в другие страны стала последним явлением в Германской Федеральной Республике.

Согласно официальным данным, 61 тысяча человек покинула ГФР в 1953 году и 62 тысячи — в 1954 году. Шумиха по поводу пресловутого «экономического чуда», якобы вселившего во всех «суверенность» в завтрашний день, была подхвачена боковой пропагандой в 1955 году. Но — странное дело! —

число эмигрантов не уменьшилось, а увеличилось и, судя по тем же данным, достигло в прошлом году 70 тысяч. Короче говоря, за несколько последних лет из ГФР эмигрировало больше 320 тысяч человек.

Люди покидают родину, ибо, как пишет газета «Кельнские рушеры», не имеют своего жилья и надежного источника пропитания. В ГФР не хватает 4 миллионов квартир. Увеличилась безработица. В декабре, как сообщают федеральное ведомство по трудовому посредничеству и страхованию безработных, число безработных возросло почти на 450 тысяч человек. Растет дороговизна. В своем годовом обзоре (за 1955 год) Рейнско-вестфальский экономический институт указывает, что «Западная Германия вступит в 1956 году в новую фазу ошутительного повышения цен».

Но не только эти причины толкают людей на отъезд. Гамбургская газета «Ди вельт» писала 20 января, что молодые люди, эмигрирующие из Западной Германии, прежде всего руководствуются желанием избежать принудительного рекрутирования в бонусскую наемническую армию. Однако в этом случае, подчеркивает газета, эмиграция в США бесполезна, ибо «из Соединенных Штатов повестики для молодых иммигрантов также не заставят себя долго ждать».

Западногерманские власти, будучи, очевидно, не в состоянии разрешить проблему «лишних рук», поощряют массовое переселение за рубеж. Так, с Канадой и Австралией заключены соглашения о западногерманских переселенцах. Поощряют эмиграцию и некоторые общественные организации, например «Эвангелические хильфсверк».

Но на чужбине людей поджидают едва ли не худшие невзгоды. «Нам наврвали, нас обманули, нас завлекли в Австралию ложными посулами», — говорится в письме переселенцев, опубликованном газетой «Ди вельт». — Ни одно обещание не было исполнено. Мужчин оторвали от их семей. Жилищные условия плохие. Цены постыдно высокие. Мы, имеющие специальность, должны выполнять тяжелую и грязную работу. Из квалифицированных рабочих превращаемся в чернорабочих».

Так тысячи западногерманских граждан, пытаясь уйти от одной беды, попадают в другую. Люди оказываются лишними у себя на родине, а в это время бонусские пропагандисты трубят об «экономическом чуде».

Д. У.

Их осудили...

Двадцать семь вполне благонамеренных американцев сидели на скамье подсудимых и слушали, как представитель обвинения называл их «убийцами» и требовал для них строгий наказаний. Но это уже эпизод, а предистория дела такова.

Июнь 1955 года. Весь мир, жаждущий разрядки международной напряженности, с надеждой и верой ждал Женевского соглашения Глав правительств четырех держав. И как раз этот момент американские власти сочли удобным для проведения широких учений по противозушному обороне от «атомного нападения».

15 июня в Нью-Йорке зловеще завалили сирены. Жизнь города приостановилась. Движение замерло. Под рев радиопередатчиков полицейские загнали прохожих в бомбоубежища. Кто-то шел покорно, но были люди, возмущавшиеся этой игрой в войну, затеянной в столь неподходящее время.

Двадцать семь американцев, любящих мир, пацифистов по убеждению, членов религиозно-пацифистских организаций «Протестантское братство примирения», «Лига противников войны», «Дом гостеприимства рабочего-католика», отказались принять участие в учениях. Они помнили, что американская конституция обещает всем свободу совести. Они понадеялись на конституцию и не пошли в бомбоубежища. Но были арестованы и привлечены к ответственности.

Как сообщил в январском номере американского журнала «Ньюсуик», судья Хайман Бушел признал «преступников» виновными в нарушении «закона об обороне штата Нью-Йорк» — штата, на который нападать никто не собирался и не собирается. И пацифисты были осуждены. Ссылки на конституцию не помогли.

Встань, Африка!
Вставайте, Африка сыны! Над головой
Пускай взрываются гордо ваши стлани,
И ваших труб пусть голос громовой
Раскажет миру, что полны отваги
И силы вы, и что пробил ваш час,
И слабость ваша — прошлое для вас.

Перевел с английского
Н. РАЗГОВОРОВ

Достоевский и его «исследователи»

И. АНИСИМОВ

Прошло три четверти века со дня смерти великого русского писателя Ф. М. Достоевского. За это время в жизни нашего народа, в истории человечества произошли огромные изменения. Родина Достоевского стала страной социализма, вслед за ней вступили на путь социализма многие другие страны, в капиталистическом мире борьба простых людей за социальную справедливость приобрела невиданные доселе масштабы.

В свете этих великих факторов современности воспринимаем мы творчество Достоевского и критичные противоречия, которыми оно отмечено. Советские люди, передовые люди во всех странах высоко ценят проникновенный реализм лучших произведений Достоевского, их могучую обличительную силу, заключающую в них сочувствие угнетенным и оскорбленным. Его великие произведения, составившие славу русской и мировой литературы, воспринимаются прогрессивным человечеством с глубокой признательностью.

Всемирный Совет Мира включил 75-летие со дня смерти Достоевского в число дат, которые широко отмечаются во всех странах.

Перед передовыми людьми нашего времени реакционные тенденции творчества Достоевского, реакционное мировоззрение, которое нередко приводило писателя к извращенной действительности, раскрываются особенно наглядно в свете современности. Достоевский был великаном, которого реакционные силы пытались подчинить себе, что не удалось в той мере, в какой они этого желали, и не могло удалиться, ибо Достоевский был великим писателем. Но его творчеству реакционная тенденция нанесла жестокие раны.

Наиболее пронзительные современники Достоевского уже понимали мучительную противоречивость его творчества.

Напомним хотя бы известное суждение Салтыкова-Щедрина, относящееся к 1871 году: «Дешевое глумление над так называемым нигилизмом и презрение к смуте, которой причины всегда оставляются без разъяснения, — все это пресит произведения г. Достоевского пятнами совершенно несвойственными и рядом с картинными, свидетельствующими и о высокой художественной прозорливости, вызывает слезы, вызывает смех».

иррационального» и совершенно обособить его от социальной действительности. Фюль-Миллер оказывает Достоевскому весьма сомнительную честь быть предшественником современного декадентства. В этом смысле он и называет его творчество «пророческим».

В книге Доминики Арбан (1954), которая называется «Dostoevski «le coraire» («Достоевский «виновник»», творчество великого писателя также укладывается в категорию фрейдистского анализа. Автор с восхищением говорит о «коммунальной волеющей Достоевского», ему очень нравится, что некоторые произведения Достоевского — это сплошные «рыдания, обмороки, стоны, доходящие до пароксизма». Достоевский интересует этого исследователя как чисто патологический «случай».

Не желая игнорировать примеры, ограничившись лишь несколькими. Рассказ «Мужик Марей», в котором все согрето человеческим теплом, где проникновенно показано человеческое величие русского крестьянина, в котором дана незабываемая картина сибирской каторги, господжа Арбан в своем фрейдистском истолковании называет рассказом о «маленьком-невротике», рассказом, который содержит некое клиническое описание «первого приступа шизофрении».

Усматривая в творчестве писателя лишь творчество восточности самого себя, автор фрейдистской монографии, ничтоже сумняшеся, пишет, что Дмитрий Карамазов, Николай Ставрогин, Свидригайлов и даже Нечка Незванова — это «сам Достоевский».

Таким образом, творчество великого писателя хотят свести к полюбовию пространной автобиографии, имеющей некоторые черты маскарата.

Доминика Арбан попыталась представить творчество Достоевского как явление нездоровое, насколько болезненное, что весьма импонирует автору, убежденному в том, что «патология» всегда была наилучшей почвой для литературного творчества». Конечно, в подобном освещении исчезает все великое в Достоевском, все то, чем он дорог и близок человечеству.

Много занимаются Достоевским сторонники сравнительно-исторической школы. В книге Чарльза Пассиджа, опубликованной в 1954 году Университетом Северной Каролины и называющейся «Dostoevski the Adapter» («Достоевский — приспосабливатель»), сделано много усилий для того, чтобы доказать, что Достоевский столь многим обязан Э. Т. А. Гофману,

что может быть с полным основанием назван его adapter'ом. До крайности преувеличивая воздействие произведений Гофмана на русскую литературу первой половины XIX столетия (в «русских гофманстамах» он относит и Пушкина и Гоголя), Пассидж старается доказать, что многие образы Достоевского являются заимствованиями у Гофмана. В качестве доказательства Пассиджу служат «генеалогические диаграммы», весьма тенденциозные переписки, а также совершенно произвольные умозаключения. Так, пытаясь вывести музыканта Ефимова, чья трагическая история рассказана в «Нечке Незвановой», не из русской действительности, а из сказок Гофмана, американский псевдоисследователь заявляет: «Не только сам Достоевский был джек от музыки, но и подлинная русская музыка, имеющая реальную ценность, едва только начинала создаваться в 1849 году». Как видим, автор не только игнорирует многочисленные свидетельства о глубочайшем интересе Достоевского к русской и западноевропейской музыке, а также тенденциозно освещает состояние русской музыки в середине XIX столетия. Он так заводит чисто формалистическими сопоставлениями и догадками, имеющими целью показать, что «сила и красота «Юта Мура» завлекли Достоевского в свою пучину», что совершенно не обнаруживает никакого интереса к живому значению таких характеров, реально обрисованных в «Нечке Незвановой», как сама героиня, несчастная Александра Михайловна. Он совершенно игнорирует заветное желание Достоевским стремление к тому, чтобы произошло «восстановление погибшего человека, заданного несправедливо гнетом обстоятельств...». Он упорно твердит только о том, что Достоевский брал «как модель» тот или иной рассказ Гофмана, а иногда «амальгамировал» их по несколько вместе. И это относится не только к ранним произведениям Достоевского. Мы узнаем, что где-то, даже в «Записках из Мертвого дома» Достоевский многим обязан Гофману. Считая своих читателей весьма наивными, Пассидж уверяет их, что, «начиная с «Двойника» до «Преступления и наказания», до «Братьев Карамазовых», что было полным завершением его пути, повести Гофмана являются мерялом для его гения».

Общезвестно, что творчество Достоевского находится во взаимосвязи со всемирной литературой, что Вальзак, Жюль Санд, Гюго, Диккенс, Шиллер и многие другие были ему творчески близки, что вместе с тем Достоевский был глубоко и неповторимо своеобразен в своих творческих исканиях, но все это не мешает Пассиджу построить свое совершенно фантастическое и уже действительно отходящее сказания Гофмана псевдонаучное сооружение на двухстах страницах убогистого шрифта.

В трудах Колумбийского университета («Германское обозрение», октябрь, 1955) помещена статья, восхваляющая книгу Пассиджа за то, что она «является внушительным вкладом в понимание Достоевского и в изучение международных литературных отношений». К сожалению, это не так. Раскрытие великих духовных богатств творчества Достоевского она не помогает даже потому, что с холодным равнодушием проходит мимо них. Что же касается «изучения международных литературных отношений», то грубо механистический, формалистический метод Пассиджа совершенно не способен раскрыть всю их жизненную сложность и глубину.

Между подходом Пассиджа и подходом Доминики Арбан внешне как будто нет ничего общего. На самом же деле общее в этих напрасно претендующих на научность произведениях то, что Достоевский отрывается от живой почвы, от общественных противоречий, от борьбы за социальную справедливость, за человеческое счастье. Это волная или невольная фальсификация Достоевского.

Нередко предпринимаются попытки сводить всего Достоевского к его реакционным взглядам, как это делает, например, Иоаф Богатке в книге, недавно вышедшей в Грассе и Кельне и называющейся: «Der Imperialismusgedanke und die Lebensphilosophie Dostoevskijs» («Империалистическое мышление и философия жизни Достоевского»). Богатке с удовольствием переживает реакционные суждения Достоевского, стремясь представить его заурядным выразителем экспансионистских стремлений русского царизма. Вместе с тем он пытается навязать русскому народу ответственность за реакционные взгляды Достоевского, считая его реакционные взгляды выраженным «русской

души», «извечной русской психикой». Господин Богатке поставил своей целью «показать», что Достоевский был высказав пропитан духом некоего «народного империализма», что в его произведениях можно обнаружить даже некий «империализм любви».

Богатке не допускает даже возможности каких-либо противоречий во взглядах и творчестве Достоевского. Мракобесие так ему импонирует, что он идет на явные податки, чтобы сохранить свое высказав фальшивое, ретроградное построение. Но ведь Достоевский, каким его рисует астрийский теолог Богатке, является реакционной фикцией — только. Нетрудно догадаться, что господин Богатке предпринял свое псевдонаучное исследование с той целью, чтобы послужить «холодной войне» и, как открыто заявлено в рекламирующей книгу резюме, «противопоставить западное и восточное мировоззрение», выставив реакционные взгляды Достоевского, как «извечное» выражение последнего.